

ВСНХ - СССР
МОСКОВСКИЙ
КОММУНИСТИЧЕСКИЙ
УЧИЛИЩНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ
ИМЕНИ И. В. СТАЛИНА

ИЗДАНИЕ
ПОСЛЕВОЙСКОЙ
ПРАВДЫ

ВОЕННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ИГРЫ

Под редакцией И. А. ПИГИНА

НАСТУПЛЕНИЕ

Наступление взвода имеет целью, приравываясь одним своих ручных пулеметов, используя для скрытого передвижения в месте боя, подойти на малое расстояние и штыковой атакой уничтожить противника.

При наступлении взвода отдалось от роты командир тогда, когда командир взвода получит боевую задачу от командира роты. Это самостоятельное наступление осуществляется в зависимости от одного и того же расстояния. Например в одном случае, когда местность закрывает движение роты, тогда противник не может своим огнем нанести больших потерь, выйдете роту подвести кустами на более близкое расстояние (длиннее) к противнику, в другом случае, например на открытой местности, выйдете взводу наступить задачу несколько раньше.

Порядком взвод начинает самостоятельное наступление на расстоянии не свыше 1000 м. от противника.

Обычно командир роты ставит задачу командир взвода на местности, т. е. выносит ее на окружающую местность такую точку, откуда виден весь путь наступления и тот пункт, который взвод должен атаковать; командир взвода знакомится с местностью, тут же решает, как он организует наступление, где расположит первоначально свои отделения. После этого он так же, как и командир роты, ставит задачи своим командирам отделений.

Порядок постановки задач командира взвода следующий:

- 1) какую задачу имеет вся рота;
- 2) кто действует правее, где и кто левее;
- 3) какую задачу получил взвод;
- 4) как ее хочет решить командир взвода. Какие задачи он ставит своим отделениям для выполнения задачи взвода.

Данные для 2-го и 3-го пунктов командир взвода получает от командира роты, а остальные он должен решить сам; продвигая все детали своего наступления.

Не ограничиваться только указанием в постановке задачи медведя. Бой потребует расхода патронов, запасы, которые возьмут с собой бойцы, будут растрачены, а в бою нужно помнить, что если расстрелял больше положенных патронов, нужно забиться об их пополнении; чтобы командиры отделений знали, где они могут получить патроны, командир взвода указывает место патронного пункта. Взводный патронный пункт обычно располагается укрыто, вблизи наступления отделения.

В бою будут ранены. Легко раненый сам отойдет или отползет на перевязочный пункт, чтобы, во-первых, не мешать на поле боя и, во-вторых, получить возможно скорее медицинскую помощь. Значит командир взвода должен указать в место расположения перевязочного пункта ротного и батальонного. Командир взвода назначает себе заместителей, чтобы в случае его убийства взвод не остался без управления.

Задачу взвода в том он не решил выполнить, командир взвода объясняет бойцам взвода с тем, чтобы каждый из них в случае убийства начальника мог взять на себя командование.

«МЫ ЗА МИР!»—СКАЗАЛ К. Е. ВОРОШЫЛОВ.—ВСЯ ПРОЛЕТКА ПАРТИИ НАПРАВЛЕНА НА ЭТО,—НО К ОТПОРУ ГОТОВЫ!»

«КРЕПИТЕ ОБОРОНУ НАШЕЙ СТРАНЫ ПРОТИВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАШЕСТВИЯ»,—УКАЗАЛ ТОВ. СТАЛИН В ПРИВЕТСТВИИ VII КОНФЕРЕНЦИИ ВЛКСМ.—КОМСОМОЛ, ВЫПОЛНЯЯ РЕШЕНИЯ СВОЕЙ VII ВСЕОБЩЕЙ, ДОЛЖЕН БЫТЬ ПЕРЕДОВОКМ В ИЗУЧЕНИИ ВОЕННОГО ДЕЛА.

НАРАСТАЮЩАЯ ВОЕННАЯ ОПАСНОСТЬ СТАВИТ ПЕРЕД НАМИ ОГРОМНЫЕ ЗАДАЧИ ПО ПОВЫШЕНИЮ И ОБЩЕЙ И ЛИЧНОЙ ГОТОВНОСТИ К ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ.

МЫ ДОЛЖНЫ, ВО ПЕРВЫХ, ЗНАТЬ ВСЮ Боевую ТЕХНИКУ, КОТОРОЙ СНАБЖЕНА НАША КРАСНАЯ АРМИЯ, И УМЕТЬ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ, ВО ВТОРЫХ, УМЕТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВОВАТЬ ТЕХНИКЕ ПРОТИВНИКА.

ПЕРЕДОВАЯ РОЛЬ В ЭТОМ ВОПРОСЕ ДОЛЖНА ПРИНАДЛЕЖАТЬ ПЕРВОМУ ПОМОЩНИКУ ПАРТИИ—ЛЕНИНСКОМУ КОМСОМОЛУ—И МИЛЛИОНАМ МОЛОДЫХ ПРОЛЕТАРИЕВ И КОЛХОЗНИКОВ.

«СМЕНА», ПРИХОДЯ НА ПОМОЩЬ В ДЕЛЕ ВОЕННОГО ПОДГОТОВКИ МОЛОДЕЖИ, ОТКРЫВАЕТ ОТДЕЛ ИГР И ЗАДАЧИ ПО ТАКТИКЕ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКЕ.

ПОРЯДОК РАБОТЫ ОТДЕЛА ВОЕННЫХ ЗАДАЧ И ИГР НАМЕЧАЕТСЯ СЛЕДУЮЩЕ:

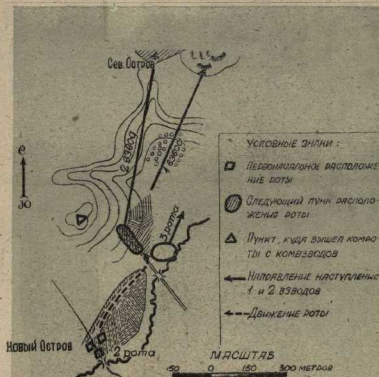
1. В КАЖДОМ НОМЕРЕ БУДЕТ ПОМЕЩАТЬСЯ ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА С НЕОБХОДИМЫМИ МЕТОДИЧЕСКИМИ ПОЯСНЕНИЯМИ. ЧИТАТЕЛИ, РЕШИВШИ ЗАДАЧУ, ПРИСЫЛАЮТ РЕШЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ.

2. В ДАЛЬНЕЙШЕМ БУДЕТ НАПЕЧАТАНО РЕШЕНИЕ С КРАТКИМ РАЗБОРОМ РЕШЕНИЯ, ПРИСЛАННЫХ ЧИТАТЕЛЯМИ.

3. НАМЕЧЕНО ПОМЕСТИТЬ ЗАДАЧИ НА СЛЕДУЮЩИЕ ТЕМЫ: «НАСТУПЛЕНИЕ И ОБОРОНА ВЗВОДА», ОДНУ—ДВЕ ЗАДАЧИ ПО ТОПОГРАФИИ И ЧТЕНИЮ КАРТ, ОДНО—ДВА СООБЩЕНИЯ ПО ТАКТИКЕ ТАНКОВЫХ ЧАСТЕЙ, ОДНО—ДВА СООБЩЕНИЯ ПО ПРОТИВОВОЗДУшной ОБОРОНЕ.

КРАЙНЕ ЖЕЛАТЕЛЬНО ПОЛУЧИТЬ МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ О СУММЕ ВОПРОСОВ, КОТОРЫЕ ИХ БОЛЬШЕ ВСЕГО ИНТЕРЕСУЮТ, С ТЕМ, ЧТОБЫ ПОЖЕЛАНИЯ ИХ МОГЛИ БЫТЬ УЧЕНЫ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА.

В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ ПОМЕЩАЕМ ПЕРВУЮ ТАКТИЧЕСКУЮ ЗАДАЧУ «НАСТУПЛЕНИЕ СТРЕЛКОВОГО ВЗВОДА».

После этого командир взвода берет 2-3 связных. Для чего это нужно? В бою, когда взвод будет наступать и на бойцовые участки командовать голосом командир, в шум бою, когда кругом будут рваться снаряды, треск винтовочной и пулеметной стрельбы, голос не будет слышен. Приказы свои командир взвода будет передавать из сигналами—валяки, условные знаки, например маршевые фуражки, ручки и т. д., или через связных-посыльных. Как управляет своим взводом командир в процессе наступления, мы познакомятся в следующем выпуске. Сейчас мы остановимся только на решении задачи командиром взвода на примере.

«После утихших боев с белыми в дер. Нов. Остров летом 1920 г. наш ротный ротный был приказано преследовать белых и занять дер. Сев. Остров. От разведчиков, высланных командиром роты, мы узнали, что белых оказалось не так много для обороны все высоты перед дер. Сев. Остров. Командир роты собрал всю роту в укрытии в дер. Нов. Остров у моста по железной дороге и сообщил, что нужно из Сев. Острова вновь вышнать батальон. Уверенный в себе, мы поклялись освободить Сев. Остров от белых и уничтожить их. Командир роты, прикрываясь деревней, вывел нас на северную окраину деревни и расположил за строениями. Протянув вперед, обнаружив наше движение и открыл по деревне пулеметный огонь. Огонь велся издалека и сначала командир приказал продуть разведки. Мы, стараясь, строго выполняя приказ командира роты, не пока зываясь из-за строений, ждали, когда командир приказал разведки. Мы, однако, только что прибли шись красноармейцы жалась в кучу. Противник, не видя больших дви жения, прекратил огонь. Моло дцы наша расхрабрившись, стали выходить на улицу. Раздался ха рактерный стук пулемета и повис ступ; а за ними и стены; один из выскочивших был тяжело ранен в ногу и свалился на улице, а другой пополнился своей новой фуражкой, простреленный пулей Оселья. Я приказал убрать раненого, а сам стал наблюдать за дей ствиями нашего командира роты. Он, как я уже сказал, взял с собой командиров взводов и скрытно одним выбрался на горку (см. схе му № 1). Полупно, показывая на командиров, я обменял красноар мейцев, как нужно скрытно дви гаться.

Тем же путем минут через 15 командир вернулся к своим взводам. Наш командир первого взвода сказал нам, что мы будем атаковать пригорок у трех сосен (см. схему). Было бы интересно знать: 1) как читатель в роли командира взвода поведет взвод—весь ли вместе или сразу оставит задачу отделениям; 2) куда он найдет с командиром отделений для разведки (это нужно показать на схеме); 3) где расположит патронный пункт; 4) сколько человек связных посыльных будет у командира взвода.

Предварительно нужно проче тать боевой устав пункта, г. П. стр. 207—215.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Издание «Комс. правда»

№ 19

1 9 3 2

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 34
Тел. 4-51-34

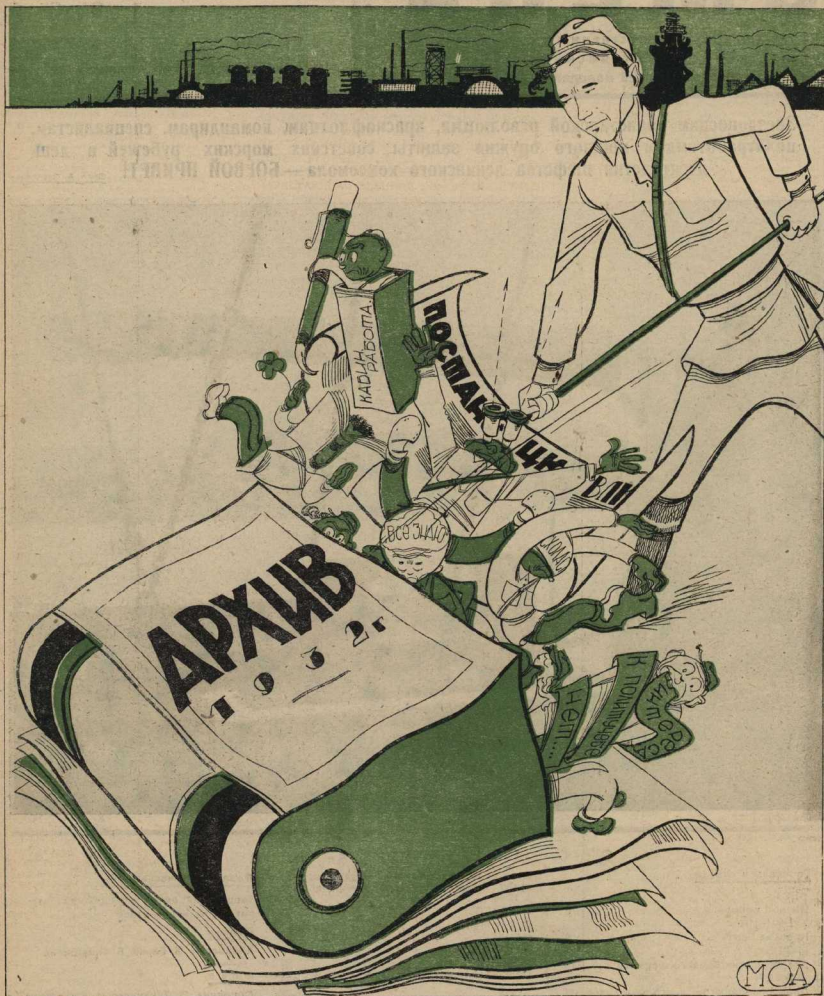
Звездоносцам пролетарской революции, краснофлотцам, командирам, специалистам, политработникам мощного оружия защиты советских морских рубежей в день десятилетия шефства ленинского комсомола — **БОЕВОЙ ПРИВЕТ!**

Фото А. Скурихина

СОДЕРЖАНИЕ

<u>Рассказы и очерки</u>		<u>Военно-тактические игры</u> 2
И. ЛЯСТ		Творческий смотр молодежной литературы на новом этапе 27
Первое собрание 5	Д. ЛЕБЕДЕВ	<u>Рисунки</u>
З. ТУНИЦКИЙ	С. ДИКОВСКИЙ 17	Абрамовых, Л. Генча, Б. Пророкова.
Красная черта 8	Н. МЕНДЕР	<u>Фото</u>
В. МАЛЕВ	Быт подполья 18	Сорокина, З. Туницкого, А. Скурихина,
Две патилетки боевого шефства 10	С. РОМОВ	Б. Иванчицго и Союзфот.
С. ФИНГЕР	Новая картина Н. Ромадина 21	На 1-й обложке фото Морозова
Промкооперация на диаграмме годов 11	Стихи	
В. КОЖЕВНИКОВ	Л. АРХАНГЕЛЬСКИЙ (Брянский)	
Яков Бузин в доме отдыха 14	Колхоз и засуха 20	

Сдадим в архив все, что нам мешало до сих пор

ПЕРВОЕ СОБРАНИЕ

Иф Ласт — пролетарский писатель Голландии, член Международного объединения революционных писателей.

Свои первые стихотворения — «Матросские песни» — он выпустил в 1927 г. В этих песнях он проявляет себя как интеллигент-индивидуалист, пытающийся притти к пролетариату.

Ласт стремится изжить в себе буржуазный индивидуализм и активно участвует в рабочем движении. Его «Индонезские песни», выданные в 1928 г., отражают ненависть пролетариата к угнетенным колониальным рабам к империалистическим миротцам.

Экономический кризис, охвативший также и Голландию с ее колониями, быстрая радикализация голландских трудящихся, возрастающее влияние КП Голландии и социалистическое строительство в СССР — все это оказало на Ласта сильное воздействие.

Стихотворение 1931 г. «Синиз» — «верх» уже показывает, что Ласт становится подлинным пролетарским поэтом.

Стихотворения, появившиеся за последние месяцы в еженедельной коммунистической газете «Трибуна» (Амстердам), как например «Вукоп» (название селения), «Наша собственная страна», «Боявая песь в защиту СССР», ряд рассказов на живых и борющихся рабочих молодежи (перевод одного из них мы печатаем ниже) — являются примерами высококачественной пролетарской поэзии.

Антон Моленаар стоит с дешевой панфироской в зубах у дверей своего дома на Требевереге и со злой неселостью наблюдает, как пролазит изобразжений христа, трясись от алоисти, старается проложить себе дорогу через густую толпу уличных мальчишек.

— Прови, ви, постраля! Отвяжитесь! И так уже у меня сегодня из-за вас десять христов отправилось к чорту!

Антон Моленаар раздражается хохотом при этих словах, но его неселость тут же переходит в горькую усмешку, и он невольно складывается к выходящей у его ног газете, которую он только что с раздражением и презрением швырнул на землю. Он поднимает ее и перечитывает возмутившее его место.

— Ну вот, посмотри! «В Гарстедте будет реставрирована церковь». В Тонгере (Финдхофен) будет открыт новый приход. Благодичный, отец Гонз, капелан в Герлене, подготавливает постройку новой церкви...

Вратя пресвятого иисусова сердца купил землю для постройки нового монастыря...

Десяток отправившихся к чорту христов, что это может значить в этой стране «короля христа»¹, где изобразжений христа больше, чем летом мух над канализацией.

Изобразжений христа в церквах в часовнях, число которых беспрестанно увеличивается, повстрочившимся, и то время как во всех других отраслях строительства все замерло из-за кризиса, а шахтеры живут в бараках, так как нет денег на новые дома!

Изобразжений христа на каждом разветвлении дороги, на каждой перекрестке. Изобразжений христа на иконках и амулетах, которые матери вешают на шею своих детей для предотвращения несчастий. Изобразжений христа в витринах кондитерских и мадленые мальчишки и девочки сосут этих сахарных христосиков.

Изобразжений христа в школах, убогих рабочих киачинах. Изобразжений христа на кладбищах, где погребаются несчастные шахтеры!

Нет, от того, что чорт унес десять христов, Лимбург христами беднее не стал!

Лимбург — его царство, и он прав над тысячами каббков, где во имя его несчастные пропойцы напиваются до бреду.

Да, христос еще силен в темной южной части страны, и объединенные силы капитала, полиции и церкви заботятся о том, чтобы положение дел здесь не изменилось, потому что эта часть страны составляет прочную угольную базу для всей нидерландской промышленности!

Это совсем недавно испытали на себе безбожники из Дигерада, отправившиеся на своих провагандистских автомобилях с Запада и Лимбург с наивной надеждой на то, что и там свободное слово будет нерушимо охранено законом.

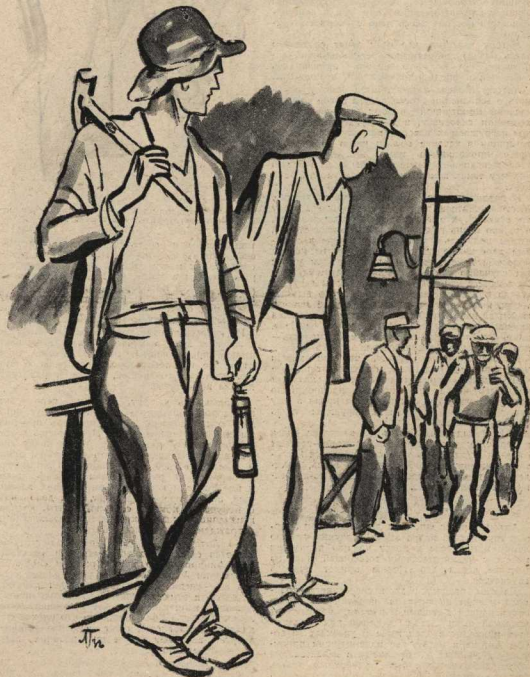
Но в Тегелене по тревожному сигналу фабричных сирен их авто окружило такое количество лато и повозок, что они не могли сдвинуться ни вперед ни назад. И когда они наконец, опоздав на несколько часов, добрались

до Герлена, враждебность собравшейся толпы достигла таких размеров, что они были бы рады спрятаться в доме какого-нибудь своего единоушленника.

Здесь, в Лимбурге, где во время забастовки поны в Маастрихте и штрейкворе с фабрики фарфора расхаживали по улицам, вооруженные крестами и дубинками в организованном в Сент-Михеле полицейские молодцы

прясто стреляли по бегущим забастовщикам, здесь, поинто, не будут церемониться, если честь «короля христа» подвергается опасности.

«И здесь», — думает Антон Моленаар, горько вздыхая, — «синиз» у уже целых три года. Нужно попытаться вести работу среди товарищей, чтобы сознание еще в ранней юности было отравлено молитвами, бесконечными литаниями, катехизисами и таинством святого причастия».

¹ Провинция Лимбург является частью Голландии, где наиболее сильно утвердилось католичество и весьма гонимые протестанты.

Антон Моленар ценявдиг это место, куда его семья переселилась после того, как отец в те же годы ушел с работы в шахты в Угленесте. Он ненавидит рудники, свою работу на них, ненавидит людей и с пожеланием вспоминает о своем детстве в Роттердаме в годы, проведенных им в качестве пионера в организации.

Пусть в семье царил бедность, ужасная бедность, часто не было ни кусочка хлеба и они все лежали с пустыми животами в уютной коммунальной квартире, редкими ослепло холодно заглядывая звезды.

Но что за стальные товарищи собрались в те времена у отца! Динийн Писа, который, когда ему не выдали пособия безработного, вышел без штанов на улицу, чем вызвал ужас у соседей сканды. Йелсе Мартенс, которого динийн пособил безработного и который спокойно профелефировал в отель «Атлантик» и заказал шесть великолепных обедов, доставленных ему из дом с автовозом. Райдиг Гартт, кабарившийся в порту на бревна и оглушительный произносивший в рупор товарищам революционную речь, пока подлинные их всех не разогнали резиновыми дубинками.

Что за прекрасные были вечера, когда выстула друпа агитатора и они—маленькие луптунки—со своими красными галстуками сидели в зале в первых рядах и сонливо, но вприпрыжку, глазами следя за каждым движением из табачного дыма за игрой своих старших товарищей.

А теперь? О, конечно отец не изменился, он остался тем же хорошим коммунистом, тем же лучшим товарищем Антона, беседующим с ним и рассказывающим ему, как в действительности обстоит здесь дело с «королем христом».

Антону известно, что отец занят созданием здесь базиса профсоюзной революционной оппозиции. Но все это нужно производить с большими предосторожностями, в подполье. Антону Моленару приходится самому поднимать запоздавший своего детства послеполучасной монотонной работы у конвейера на холодной сквознице, под оглушительный грохот нагружаемых навеску вагонеток. Он и его товарищи в течение восьми часов в черной массе прохладящего воздуха их конвейером újra выскивают серые камни, и за каждую корзину таких камней штейгер платит ни один цент.

В первое время было довольно трудно. Местные жители питают врожденную вражду ко всякому, кто говорит на другом наречии, и нужно очень глубоко вникать в эзопов язык, чтобы получить удовольствие в игре в эзоповы болатной почвы, ноэди—кабака. Если у вас нет случайно никакой знакомой девушки, чтобы вместе с ней пойти гулять в лес (а девушка всегда пожелает увериться в том, что вы—патозик, иначе она не сможет, в случае нужды, выйти за вас замуж), то тогда вам не остается никаких иных удовольствий, кроме кабака, кино, футбола и танцев, так есть смеельностю, отважностью и браковсвратью.

Но отец твердит Антону, что он всегда успеет попасть под пулю, и указывает на случай недавнего перелета тем же ночью хладокровно застрелил графской лесничий и заковал в яму так, что их трупы были обнаружены лишь спустя три недели.

Вам надлежит беречь те немногие силы, которые у нас имеются, милая!—говорит отец,—и может быть тебе еще придется наладить поставки свиных бобов, когда в день, а Нидерланды, в один прекрасный день по-настоящему заиграет дело.

Антон хорошо запомнил день, когда он впервые спустился в недра земли. Получив ручную лампу и подвесив к поясу кирку, он вместе с дюжиной тысячью товарищей двинулся вперед, когда его группа крикнула очередь спускаться.

Дважды разделяет шум сигнального колокола, и лифт вылетает на поверхность. Являясь сорванцем и идя в руках в черной одежде усталый вылез Антон динийн ряд ожидающих приходит в движение и увезает за собой Антона к месту, где надсмотрщик принимает от рабочих их деньги (это делается для того, чтобы четверть быть уверенным в том, что под землей не осталось ни одного человека). Около самой шахты его товарищи загля-

гают свои лампы, рэшетчатая дверка открывается, и сорок человек набиваются в четыре тесных отделения лифта, по десять в каждом.

Одновременно застывает чаша воды. Динийн спускается вниз, на глубину четырехсот метров, испытывая шок, точно они кажутся на качелях. Наконец лифт останавливается, и они выходят в освещенный электричеством, с высоким потолком коридор при подземной станции; здесь стоят вагонетки, локомотивы и работающие под землей лошади, которым до самой смерти уже не подняться на поверхность земли.

Сначала идут каменные галлерей, где еще есть чем дышать, но дальше их сменяют земляные, где воздух стучит, где стены покрыты беловатыми узорами плесени, принудиво све-

е и рыжего Гарига, а у таких ребят есть обыкновенно раскрасить рот значительно шире, чем это нужно надсмотрщиком и управленцами.

Штейгер знает, что забойщики углубились на несколько метров, не имея предосторожностей подпорки, но и сами рабочие должны помнить, какой они могут подвергнуть опасности свои души, опыты для этого.

Им известно, что за последние время Эмиль получил название шхетерского кладбища и что почти не проходит ни одного дня, чтобы не придало камины котондунг из рабочих. Когда отец говорит за массивной стеной о своем собственном плане, Антон не может ни в этот момент, но когда они хотят его самого оставить ринковать жизнью и работать в месте, где еще сегодня утром было подпольного газа и Лангове тогда ложно, а новым его не заменил, стоило он спокойно и решительно идет к надсмотрщику и узнаывает на рудничном регламенте, по которому в таких случаях полагается выдавать другую лампу.

Но надсмотрщик всего важнее сообразит экономии и этим заработать себе проценты, и кроме того для него выкладит час работы Антона, а кроме денег.

Нужно было только посмотреть на физиономию этого субъекта, когда Антон заговорил с ним о рудничном регламенте.

— Так, так!—говорит он.—Ты один из тех, кто знает регламент лучше самого штейгера!

Все это сказано без ругательства, вславно, даже приветливо.

Но с этого дня Антон был счастлив с работой внизу в шахте и переводил на работу в верхний слой своей категории шхетера.

Об изучении специальности забойщика больше нет и речи. Нагруженную вагонетку—своя, и он движется галлерей, где слышно очень редко раздаются притеснительный олик товарища, приобращающегося мимо со своим фонарем.

Нагруженную—своя, пустую—туда. Восемь часов в темной галлере, где стены покрыты плесенью, где воздух слепит глаза. Вагонетки часто соскальзывают с рельсов, потому что дирекция думает не об улучшении условий работы шхетера, но о возможно большей продукции. Поэтому работы не утрутом приходится опять устанавливать на рельсы вагонетки, весомую 500 килограммов.

Нагруженную—своя, пустую—туда. Единственное нарушение, оно—образно—это козлив особенно люба. Так что можно вырывать лампу и быть вынужденным в полном мраке разыскивать ее ошущю.

Так идет жизнь.

Но в последние время стало еще хуже. Летом дикая жара, в июнь работы нельзя было делать, особенно жжет солнце, целые легионы мух с жуужанием летают по комнате, уснуть нельзя.

Удовольствия малол.

Антону надо помощника, они работают американцами, в проходе есть изгибы, там не теплее. Он просит динийн проводить вагонетки. Это дает время для беседы. Так при свете двух ламп начинает Антон познакомиться со своим товарищем. Темно—полюбоваться рабочим классом.

Но особенно много об этом болтать не следует и из чувства предосторожности не следует затрагивать тему о «короле христе». Никогда говори хотя бы о том, что шахта находится в районе шахтерского кладбища и то только в Голландии так много безработных. Но полки и вагоны удобны только, что их в случае чего в любую минуту можно устранишь высальной обратности, а рудники, где их оказывается годка, а голландцы могут занести на городок нежелательные идеи.

В конце концов Дорус (так зовут его товарища) вовсе не глуп; он все больше и больше заинтересовывается революционными идеями и то теперь под ударами восстания динийн динийн динийн Голландии так много безработных. Но полки и вагоны удобны только, что их в случае чего в любую минуту можно устранишь высальной обратности, а рудники, где их оказывается годка, а голландцы могут занести на городок нежелательные идеи.

У Голландии возникает смелый план: здесь, в Грессе, организовать комсомольскую ячейку.

— Так, так!—сказал штейгер.—Ты один из тех, кто знает регламент лучше самого штейгера!

являлись при свете лампы. Затем наступает совершенно фантастический эдакий путь сквозь слезы угля к месту работы. Привыкшая, зная руку лампы в зубах, ползи, с'езжать на самодвижущихся платформах туда, где в низкой галлере забойщики позуна-коловых, подулывшихся молотом аттакуот угольный пласт.

Но ко всему этому привыкаешь. Привыкаешь к глечному зуду, вызываемому в теле угольной пылью, проникающей сквозь потные порезы кожи. Не так деловито относишься к шуткам взрослых товарищей, любящих разыграть дурака из новичка.

Привыкаешь к тому, что на перекрестке коридора приходится из духота вдруг попадать под холодный дождь, выходя из прохода и штейгером к конюшине. Привыкаешь к треконному кличу «бергспис!», когда бала сводов вдруг начинают трещать под слоем земли и камней в 400 м. толщины. Привыкаешь к «орникам» и ругательствам надсмотрщиков и штейгера и к поноуканию старших товарищей, не железных машин, если дело идет о получении помимо сдельной платы, которая неизменно уменьшается, еще издельного возмущения на сверхработу.

Но Антон учится здесь специальности; ему остается еще несколько месяцев, и он станет квалифицированным забойщиком. В своем поведении он специализируется, он рисует себе, воображая Антон Моленар уже рисует себе, не здесь, в этих прохладных рудниках, принадлежащих капиталистическому государству—маленькой голландии,—но что он как специалист отдал свой опыт и свою рабочую энергию революционному отечеству рабочих, всего мира—Советскому союзу.

Но к несчастью Антон не думирожет, воспитывавшийся в монастырской школе, по роттердамце прошедший школу длинного Писса

И вдруг сказать, что несчастный случай приходит ему на помощь в этот день.

На этот раз счастливый случай воплотился в несколько тяжёловесных дел с величественными свердловскими шахтёрами.

Шахтёры не знали, что это величество должно скоро посетить рудники, они только ушли в один прекрасный день директора и инженеров, спустившихся к ним под землю. В их интерес к шахтёрскому хозяйству насос и вентиляционный мотор. Дурной воздух вытеснил, и в течение целой недели шахтёрам не пришлось ходить в воде по самую щиколотку.

При посещении рудников его величество была сфотографирована с молотом одного из шахтёров в руках, получила в подарок серебряную шахтёрскую лампу и оставила директора и видедиректора пожалованием им орденов. За здоровье его величества во всех церквях возносились к нему горячие молитвы, на днях решившись пойти колокода тысяч церковных колоколов трезволив.

Но неделю спустя насос и вентилятор опять были упреждены, опять шахтёры задыхались в стужеином воздухе, опять стояли они по щиколотку в воде.

И одно удовольствие было тогда слушать, как сивались в четверном хвалебном гимне ругательства голландцев, limburgцев, валлонов и поляков.

Вот тогда-то и еще зря для спуста, когда было объявлено новое снижение сдельной заработной платы, у многих шахтёров глаза раскрылись, и наступило время, благоприятное для того, чтобы Антон Моленар мог опять рабу в знойной воде.

4

Продавец христианский изображений уже давно прошеп, совсем выдал еда слышен крик детей. Антон бросает свою потухшую шапироску и медленно идет в дом, чтобы поужинать перед отравлением на ночную работу в шахте. Он перебивает в уис еде тех из ребят, которые входят в будующую очередь комсомольцев. Это Кес Карз, раньше работавший в Германии, уже приобщившийся к коммунистическому движению и сперх совсем очень популярный среди товарищей благодаря своей мастерской игре на цитре. Затем друзья Карза: Пит и Гэс Фермеелен, Мартен, кондуктор герландского трамвая, и наконец, разумеется, Дорус — самый красивый и природный limburgец среди них. Последнее в высшей степени важно для втягивания в работу других limburgских ребят; но, с другой стороны, Дорус является как раз наименее развитым из всех группы.

Антон решает сегодня взять с собой в шахту одну из своих старых антригелигиозных брошюр, например брошюру Брунхельвена о скандальх и безразличности в монастырских школах.

Под землей положение несколько изменилось. Шахтёры работают теперь уже всех сил, чтобы наверстать потерянное время. Со страшной напряженкой, в поту, Антон и Дорус едва могут справиться с числом вагонеток, приходящих наверх. Приходит штейгер и приказывает уорать предохронтальные тормоза, так, чтобы можно было одновременно вести три вагонетки. Круглый кусок дерева на рельсах заменяет тормоз.

В течение некоторого промежутка времени мальчики работают, не имея возможности уловить ни одной минуты для разговора. Но потом внизу что-то случается, и примерно в течение получаса ребятам приходится сидеть, ничего не делая.

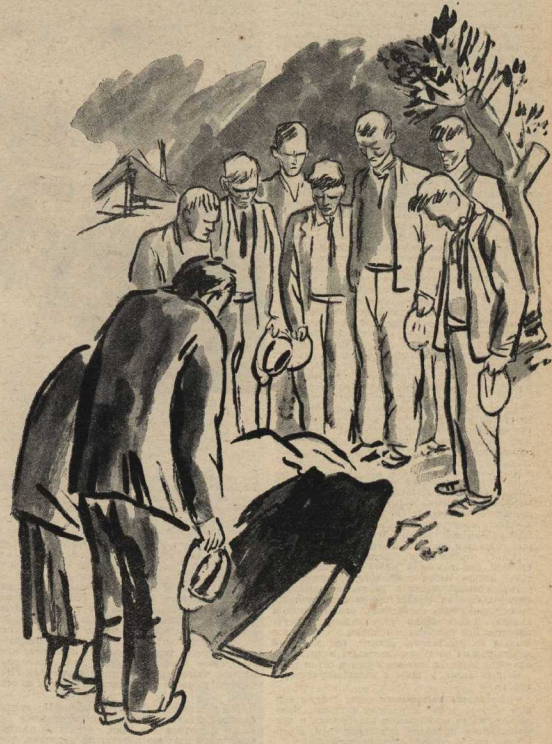
Как обычно, слово принадлежит Антону. Сидяще он говорит об основании комсомольской ячейки, о предстоящем первом собрании в воскресенье на Хексенберге, о товарище из Арихема, который приедет, чтобы сделать доклад. Затем медленно и постепенно он переходит к антригелигиозной кампания. Он начинает с шуток: «Когда сюда приезжала королева, ее разумеется сопровождала свируг — витьготский Хиндаль. Как известно, принц — атеистичен, но, несмотря на это, ему, ему, волье-неволье пришлось посетить нововостроенный монастырь в Анбосе. Там, сидя в большой приемной зале, он смотрел на своих заключенных, католицизм, несмотря на свою негодность для государства, является все же идолопоклонством, но что живо, которого варят здесь отцы-инокии, ни в каком случае не уступит его родному мекленбургскому пиву. И в большой аудитории, где осужная шестую кружку, он заметил на се-

не портрет какого-то аббата и спросил у сидевшего рядом с ним настоятеля: «Ведь это конечно портрет вашего отца?» Разумеется, среди призорных большое замешательство; пожелавшие и чужием стараются обратить внимание принца на неучаивность его вопроса. Принц озвирется вокруг, понимает, что сказал нечто несурзное, поспешно хватается за седьмую кружку пива и бегстро говорит, затравывая свой промах: «Ах, да! Простите меня, пожадуйста!»

гер уже стоит перед ним, прежде чем он успеет об этом подумать, штейгер уже вырывает у него из рук брошюру и читает ее название... Даже при слабом свете лампы видно, как штейгер полихотел от злости.

— Ты... ты... сын шлохи! — кричит он и замакивает над Дорусом медным молотом, который всегда носит при себе.

Испуганный Дорус отпрыгивает назад, он роняет свою лампу, спотыкается, задевает ку-

...Антон Моленара хоронили на неосвещенной земле

Я совсем забыл, что у мохов не бывает отцов!»

И что же? Дорус не рассердился за неблагоприятный рассказ, наоборот он громко хохочет; это как раз подходящий момент для вручения ему антригелигиозной брошюры, а он сам, Антон, отпихивает вниз посмотреть, почему собственно прервалась работа шахтёров.

И Дорус читает брошюру: острое и захватывающее повествование совсем не для limburgского мальчика, которому еще не исполнилось восемнадцати лет.

Он читает и читает при бледном свете своей шахтёрской лампы, он так погружен в чтение, что не слышит шагов штейгера, приближающегося к нему по низкому коридору.

И прежде чем он успеет опомниться, штей-

сок дерева, заменяющий тормоз, дерево соскальзывает с рельсов, вагонетки прихлывают в движение; с криком ужаса смотрит Дорус и штейгер, как устремив вагонетки с грохотом исчезают в темном колоде.

В течение двух секунд им не слышно ничего, кроме грохота вагонеток, потом вдруг слышатся крик, глухой удар и ничего больше...

Три дня спустя, в воскресенье, Антона Моленара хоронили на неосвещенной земле кладбища в Требека. У могилы кроме его родителей стояли Кес Карз, Пит и Гэс Фермеелен, Мартен, Дорус и товарищ из Арихема.

Через два часа на Хексенберге состоялось первое собрание комсомольцев Требека.

С голландского с рукописи перевел А. С. Зипов

НИРАСНАЯ ЧЕРТА

Из записной книжки

1 октября пущен Днепровский энергопромышленный комбинат. Величайшая в мире Днепровская гидроэлектрическая станция, питающая «большую колыбель авиации» Харьковской, авиационно-металлической стали, днепропетровской, авиационно-металлической стали, днепропетровская, дела свой первый промышленный ток 1 мая.

В этот день востроумно плани, выключившую строительские, была дана команда первому генератору. Пять аэроветов один за другим вступили в строй в тенисе леса. И теперь, к моменту торжественного пуска комбината, все первая очередь гидроэлектростанции уже работает, отпуская ежегодно миллионы киловатт-часов для индустрии социалистической Украины.

Ниже мы печатом вписки т. Тунциной, сделанные им 1 мая, в день пуска первого агрегата.

На беспредельном циферблате времени этой ночью следовало бы отметить тостом красной чертой. Проходят дни, месяцы и годы, по проходам, впискам над зеркальной гладью авиаканалов, протекут миллиарды киловатт-часов. И в памяти людей, отогнутой грузом событий, струится памятные часы, когда у Днепра был с боем вырван первый электроток. — часы, стоящие на рубеже тысячелетий. Позади, от перах скифов и греческих историков до 1 мая 1932 года, — Днепр, беззаботный бродяга, локхитивный плывок пров кламчатые скалы порогов. Вперед, в красной чертой первомайского дня, — Днепр в упряжке социалистических заводов, в узком русле электротрансформов. Мы смотрим на этих людей. Они — небольшая горсточка смельчаков, не подпадающих о своей памятной отваге. Им некогда думать сейчас о чем-нибудь вне схем, проводов, аппаратов, масляников, трансформаторов.

Руки десятков тысяч подняли вверх на 30 метров эту воду, стоящую на мертвом пороге за стеной у глухой плотины. И теперь горсточку людей послан в ночь под 1 мая сделать последний и трудный — выключить пятнадцатый труд всей страны болоничком.

Комсомолец инженер Лева Роткоу, руководящий монтажом пульты, сидит в сехашней вабок кепке у своих четырех беспрерывно тревожащих телефонов, готов, расширяется, спускает, соединяет. Рядом — Мервонич, старший приборщик станции и чинитель всякого, добрый человек и большой знаток своего дела.

Пульт относится к Днепровской электростанции, как головной мозг — к человеческому телу. Десять тысяч проводов, уложенных в четырехугольной шахте и кабельном коридоре, идут от строгих черных щитов с измерительными приборами, счетчиками, выключателями к переносным оканчивающим реле, автоматам, регуляторам. Все приборы и машины приваживаются отсюда на расстоянии. Легкий, едва заметный вабок пальца на кнопку, приводит в движение или останавливает машины своим в сотни тонн. Роткоу стоит у щита с надписью: «Генератор 1».

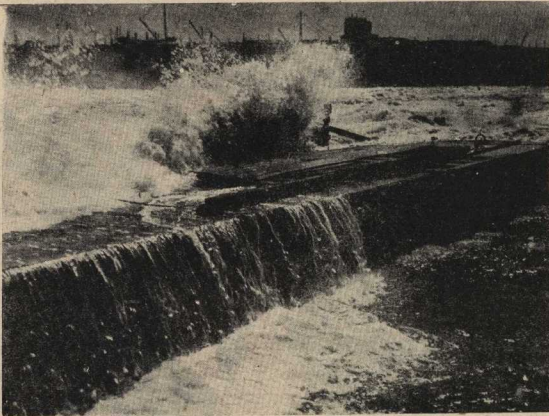
— Когда мы раскопаем ящик с этим первым щитом, у нас потелезею в глазах. Конечно, не было возможности разобрать в хитросплетении проводов, в калках схем, соединенных густой сетью запутанных линий.

Роткоу некогда рассказать о том, что авиационщики требовали на монтаж пульты 4 месяца, а под его руководством, инженера-комсомола, эта работа была закончена за полтора месяца. И как сделано! Ни один некачественный прибор не поврежден, ни одно стеклошко не дадо трещины. Все аппараты проверены и работают безукоризненно. Можно приступать к операциям пуска.

Мы выходим из пульты в теплую ночь. Рядом — бетонный завод. Везде, тенисе двора на площадках стоит необозримое число бадов.

Среди них особо вырваненная бада — урания, подвешен 28 марта последний кубометр в гребень плотины. Как недавно еще многие бады бетонили бады! Слыхаю заса, удивительная тишина, и в полуденном проходе видна лишь одинокая фигура часового.

Двадцать девятый метрами ниже — здание ГЭС, спящее ночью грозными электриве-

Вода хлещет через пирс ...

ских ламп. Электростанция кажется огромным морем, плывущим по бурному, ноющему морю.

Если пройти все здание ГЭС до самого края машинного завода, за кратером девятой турбины откроются сорок девять вышек плотин. Они горят электрическими бумажками великой Формулы Ильича: «Коммунизм — это советская власть плюс электрификация».

Под бумажки летят через гребень Днепр. Сейчас — наивысший момент плавания, и река истончается. Над плотинной стеной возникает на кинешней пены и несется по реке белым озерным табуном. Доходя до ГЭС, они разбираются о бетонные стены, выметая вверх из нескольких метров лучи брызг. Вода подбрасывается к саужемому мосту, жаснет через пирс¹. Среди волноного хаоса, окрашенного в розовый цвет проекторами с плотины, одиноко стоит деревянный сруб. Это — последний остаток разрушенной волнами перемычки ГЭС, напоминая о годах великой борьбы со стихией.

Днепр демонстрирует свою мощь. Но хребта большинства плотины, жестко врезавшие бетон в гранитное дно реки, и заплата частица этой мощи покорно потечет по проводам, чтобы вечером вновь засячет над самым водоем великой ленинской дуэнт.

В шахте первого агрегата копошится бригада монтеров Рыбачева. Генератор, остановленный после сушки, дышит нестерпимым жаром. Открытые люки не помогают. Обливаясь потом, ребята обматывают лентой-картонком новые гиши статора. Работа на всю лош.

Весь Днепрострой сегодня празднует. На соборных чествуют, премируют удальцов. В клубе ИТР Кандаква, начальник гидротехнического отдела, говорит о любви.

— Мне помнится, как пять лет назад мы стояли с Борисом Евгеньевичем² на Скале любви, которую предстояло взорвать. Жалко сюда, привыкая, этой скалы. Но мы ее взор-

вали, а любовь осталась. Осталась и окрепла у всех нас великая любовь к реке, к плотине, к станции, к каждому бычку, ко всему огромному делу, которому мы здесь заняты...

И Кандаква, человек, поднимавший уровень двух рек — Волхова и Днепра, — сидит на месте. Он ставится последним пред тем, что его — контрол — при подеме воды пострадала: Днепр ворвался в белый домок, от которого теперь над водой вышлется только одна крыша. Днепростроевцы, смеясь, говорят, что Кандаква первым подтолкнул самого себя.

Проходит половина праздничной ночи. На дудле попеременно звонят телефоны, и Лева Роткоу со своей командой в последний раз пробует аппараты. Он влезает на масляники, чтобы замкнуть на короткую провода. Рядом с гигантскими изоляторами, которые до завтра будут держать напряжение в 181 тысячу вольт, инкооррект Лева кажется лилипутом. Он хохочивает там, где завтра будет ток, смертельный для всего животоа.

Никонес мы удаляемся вместе с небольшим коллективом пульты на разостанных брезентах и газетках и дремлем в ожидании утра.

В семь часов утра 1 мая в зале здания загудела сигнальная сирена.

Стрелка забегала по циферблату машинного телеграфта.

— Готовы!
Из машинного щеха отвечает:
— Есть! Готовысь!
Лева Роткоу прекращает рукоукту:
— Пуск!
— Есть! Пуск!
Внизу на ГЭС пустни в ход турбины.

На черном дыше щифа, с изменими белыми точками вместо цифр, засячет большая секундная стрелка. Указатели многочисленных измерительных приборов начали шевелиться. Стрелка ползет постепенно вправо по шкале вольтметра. Каждое деление — тысяча вольт В 10 ч 25 м, кончается поддем напряжения. Лева радостно говорит:

¹ Пирс — бетонная стена, образующая водонапорную турбину.
² В. В. Войтехов — главный инженер Днепростроя.

— Ну, теперь машина возбуждена полностью, начинаем ее часом под напряжением.

На столе план командования — схема переключения тока временной силовой на ток Днепрострой. Электрики читают схему, и каждый мысленно уже где-то вперед, несколькими часами позже. Люди бродят по залу, слушают, как на улице гремит оркестр, поют в колоннах, движущихся на демонстрацию.

На пульте притравливаются аппараты для учета тока. Лева говорит, обращаясь к дежурному:

— Записи: 10 час. 50 мин. произведена ответственная операция наливания чернил в записывающий аппарат.

— Все сметется шутке, сметется тому, что все в порядке, что раз дело пошло до свчгника, значит скоро будет ток.

Электрики побежали замыкать трехфазный Удар электрического колокола возвестил, что масланик включен. Но... тока в трансформаторах не было. Где-то в цепи — обрыв.

Тревожно загудела сирена, одновременно зазвонил телефон. Начались поиски. Лева Роткоп со всей своей электрокомандой яростно штурмовал сеть. Разве можно было допустить крушение в самом конце, почти у финиша?

На митингах на обочинах десятки тысяч людей говорили уже о дисперсовом токе как о факте.

В зале пульта было тихо. У стола за телефо-

Здесь, в белом домике, помещается гидротермический отдел. Далеко возвылся в его конюшны.

нами угрюмо сидел инженер Семенов. Проща полтора часа. Звонок снизу, с трансформатора. Семенов берет трубку:

— Как? Ничего? Путь процентов надежды?

Семенов бросает трубку и тоже бежит на помощь.

Мяг остался в пульте почти один. Над головой застекленил пропеллер, три гидросамолета сбились на реке. В окно опять донеслись обрывки музыки, где-то кричали «ура».

На крышке трансформатора четыре человека стояли и напряжено, лихорадочно перебирали в мыслях схему, искали в изгибах проводов, куда бы мог вкратиться коварный обрыв.

Последняя возможность называлась «ручной регулятор высокого напряжения». Неизвестно, у кого впервые мелькнула эта мысль. Но когда регулятор вскрыли, оказалось, что мелепада действительно здесь, и самая пустяковая. Легкое движение руки — и все было кончено.

Металлы и притяжные стояли люди у пульта, следя за стрелками. В 6 час. 50 мин. Лева Роткоп щелкнул ручкой той и замкнул масланик. Шины подстанции приняли ток в 161 тысячу вольт — высочайшего напряжения, до сих пор еще не применявшегося в СССР. На пульт в пульте вспыхнули три лампочки — первые лампочки, накаленные током Днепра. Это произошло удивительно просто и даже как будто незаметно. Но эта простота и легкость, — какое напряженье сил, какая громадная тщательная подготовка скрыта здесь!

Подождал релаксационный момент подачи энергии в сеть. В 6 час. 50 мин. позвонил инженер Розенбаат с временной силовой станции. Семенов взял трубку:

— Ну как, Борис, шины у тебя свободны для приема нашей энергии? Да? Ну аааа, даем ударом! Держись!

В напряженной тишине комсомолец Лева Роткоп, сын первого электромонтера Одессы, рабочий, избравший по лестнице вуз на колоссальный мостик Днепротрестовской ГЭС, включил в сеть первый ток Днепрострой.

Семенов не отходил от телефона.

— Ну, Борис, сколько вольт? Многого? Может посадить? Не надо?

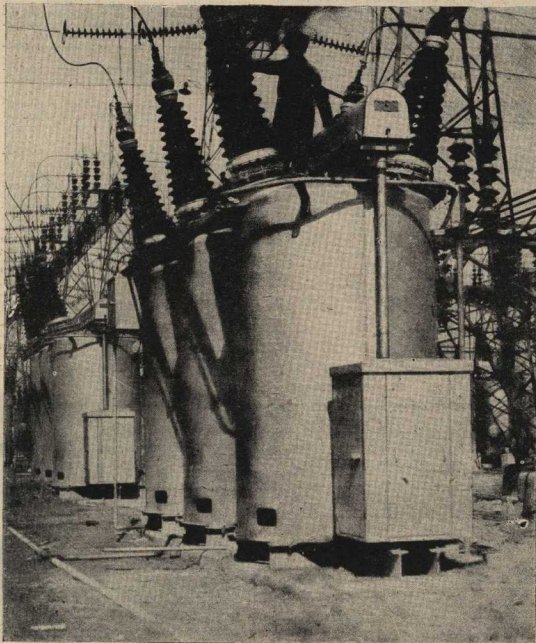
Он положил трубку и объявил:

— Борис говорит, что у него на шинках две энергии: одна черная — от нефти, другая — белая — от Днепра.

Роткоп повернул выключатель на стене, ярко осветил зал и покаял пальцем на лампе: — Белый уголь!

На задней стенке щитов вначале тихонько вращались алюминиевые колесики счетчиков, отменяя первые киловатт-часы отпущенной энергии.

Мы снова выходим из пульта в ночь. Созвездия ламп, накаленных выше обычного только что полученным током Днепра, заливают подножиями света крутой бер и темную воду, обрушивающуюся в пролеты платины под свержающим лозугом Ичима, лозугом партия, лозугом пролетария.

Низкорослый Лева кажется лилипутом рядом с гигантскими изоляторами. Он хозяйничает там, где завтра забушует ток, смертельный для всего живого.

ДВЕ ПЯТИЛЕ К ВОЕННО-МОРСКОМУ ШЕФТВА

Фото А. Сиурюкина

Один из комсомольцев, ушедший по первой комсомольской мобилизации во флот — имя его остаем неизвестным для истории, — после того как прошел первоначально военно-морскую учебку и учебным отрядом, был направлен в госучебный. Всею дорожку из далекого уездного городка до солончатых берегов Севастополя он мечтал о бурях и штормах, о воях гаек, о подступающих в туман вражеские суда, о недотронутой груде, пускаящей скользящую, молчаливую, промывая своей быстротой и силой торпеды. Мечты эти в учебном отряде становились уже так близки, так возможны, и вдруг... санитары! Он избуточкой. «Не пойдешь» — было его первое решение. «Не пойдешь» — заявила ему командирю после первой вестки о судьбе санитаря, о перспективе аптечки и большой койки.

Но комиссар учебного отряда, рабочий-большевик, был силовик, уверен и уверен в себе. Он вызвал и капитанов, и подполковников, и комсомольцев и доказал ему как дважды два четыре, что революция и флоту нужна и санитары, а не только личные болаты, кондукторы и ружья. Он сложил негодующие комсомольцы и тот пошел на курсы санитаров.

Это еще вопрос, где нужна была большая выдержка, воля и энергия большевика, — там и, где молодые комсомольцы-краснофлоты, циндильники на утах суднах, варившие мыльные поля, усевшие бадам и англо-французским флотом, или здесь, где предстояло, похоронив «сметы митлайтской системы», идти на пределы и измерять температуру.

Во всяком случае и здесь и там комсомольцы не осражили своего ленинского звания.

Десять лет назад комсомол принял шефство над военно-морским флотом. Десять лет назад первые тысячи комсомольцев пошли по мобилизации во флот. Мобилизация? Это была во всяком случае очень своеобразная мобилизация. Страна звалия свайдилась на каждое сообщение, полученное по размерке укомов и райкомов. Обгирать лучших, преданных, физически крепчайших сынов комсомола было довольно легко и просто.

Во флот ушли тысячи, а жили флотом сотни тысяч. Кто был тогда в комсомоле, помнит, какой подъем вызвало это шефство. Форенка и каша стали неотъемлемой принадлежностью каждого активиста. Склянки, реи, палуба, сабур и комсомол сразу вошли в лексикон каждого комсомольца.

Но не только это, показанное, внешнее, вошло глубоко в комсомольский быт. Многие стали считать комсомольская армия по сигналу партии вылезла за возрождение морских вооруженных сил республики.

Партия сказала: нам нужен красный флот. Комсомола «светила»: ешь!

Вы знаете, как тогда учились во флоте? Чтобы овладеть теорией, брали... рубанин, ты?

норы и стамески и отправлялись восстанавливать помещения, изготовлять койки, столы и тауретиры.

Военно-морской практике предшествовала такая же история. Только здесь объектами были развалины плывущего типа. Так и учились. Флот? Он больше был в потении, чем на воде. Он был в железных мускулах и стальной воле большевика-флота? Это явно неподвластная вещь и себе должна была быть вызвана к жизни большевистской энергией. Впрочем, чудес никаких не произошло. Первые годы плавали на возродженных развалинах, которые гордо именовали флотом. Но в меру индустриализации страны, в ногу с возрождением советского хозяйства рос и возрождался Красный советский военно-морской флот. И пусть теперь попробуют захватчики существовать в советские воды! За десять лет у нас вырос грозный и могучий страж наших морских границ. За десять лет мы подготовили блестящую флотскую молодежь, флотские специалисты флота, крепких большевиков. И советские стальные птицы вымывают под облака и зорко глядят в морские дали, охраняя наш мирный труд. И советские самолеты, самолеты, самолеты, грозные повзвонившие ощеренные орудиями башни. И на всех этих мощных, прекрасных машинах бьются самые мощные в мире моторы-сердца коммунистов, комсомольцев, которым партия, страна доверили охрану своих морских рубежей.

А знаете ли вы, что две трети советских границ — морские границы?

Десять лет мы шефствуем над военно-морским флотом. Огромна роль комсомола в возрождении, развитии и укреплении боеготовности наших морских вооруженных сил. Но еще больше требуется сегодня. Сегодня должны мы быть сильнее, чем вчера, а завтра сильнее, чем сегодня. Не можем же мы ни на минуту забыть о том, что окруженный нас капиталистический мир возмущается «идеи для бедств и для войн». Не можем же мы забыть, что в течение 15 месяцев 1930 и 1931 годов пять великих держав спустили на воду 146 совершенно новых боевых кораблей, общей стоимостью в 470,000 тонн, с мощностью двигателей в 5,160,000 лошадиных сил и весом бортового залпа (одновременный выстрел всех орудий с одного борта корабля) в 244 тонны. Мы все лих, все делаем, уславив бодрость и уверенность у друзей и страх и тревогу — у врагов.

Наши морские границы ничто и никто не заставит расползтись. Тому порукой боевая мощь Красного военно-морского флота. Мы, комсомольцы, вправе гордиться своим подвигами, ибо вместе с ними под руководством партии и флота партии близки мы за дело вооруженных сил революции, ибо каждое судно во флоте хранит память о героике комсомольских будней, об отважной работе комсомольцев-краснофлотцев в первых днях возрождения флота несущих на нем боевую вахту.

И те, кто из первых тысяч комсомольцев, пришедших во флот, остался служить и в эти дни, кто демонстрирует собой весь наш флот: среди них, пришедших во флот рядовыми краснофлотцами, — командиры и комиссары кораблей, спецнасты высшей квалификации, руководители боевых механизмов, вожаки тысячных масс вышестоящей красноторпедной молодежи.

М. Ф. Романов — старший свисток — владетель дельфи, когда он уложил в детско-коммунистической организации молодых и задорным комсомольцем. Фламандский химик штаба морских сил Черного моря Остава некто не может забыть своего героического участия в организации. Помощник командира эсминца «Фрунзе» Н. М. Харламов может быть вызван жуковской организацией комсомола на праздничные юбилей, «На днях и не только наших соотечественников, «отрядов побосовет» над комсомольских организаций, развешивающих вербовку в военно-морские школы.

В девятнадцатом году французские суда угрожали пушками Одессе. Но в том же году на французских судах вылезло красное знамя восставших матросов. Их вел Адам Дарю. Не верю на капиталистических флотах вылезало знамя революции. Больше, чем какой-либо другой флот в мире, хранит революционный огонь русской революции флот. Но и востание германских моряков было кануном германской революции, и востание французских моряков заставило французских генералов убраться со стола, издрожавших на горле, и востание козлабам мощь «злащущий моря», и востание в чилийском флоте превратило грозным сигналом на берегах Тихого океана. Перемена чуждым политическим и политическим революция продолжалась. Восвуженный ангардом этой революции был, есть и остается, как и нынче наша Красная армия, Красный советский военно-морской флот. И нет в мире таких драгоценных орудий, таких бистроходных судов, какие представляют собой классовая правда большевиков, революционный гнев воставших масс и умелое руководство наших братских компартий. Они, эти красноторпеды буржуазного тыла, вместе с нами будут праздновать десятилетия юбилей шефства комсомола СССР над вооруженными силами нашей родины. И нас этот юбилей обмыкает ко многому. Не можем же мы ни на минуту забыть слова наркомата Т. Ворошилова. Он писал так в письме XVII наркомфлоту.

«Кому много дано, с того много и сиротится».

Курсаки, военно-морским пунктами, военно-морскими школами Осваиваемые означенные десятилетия юбилей.

Многочисленным усилением заботы и помощи подшефному отметит исторический праздник молодежи.

Неузнаваем наш флот. Нет больше «бортинки», с ухарским заломленным бисекторной и пирожки, как Черное море, штаны «клев». Родился новый красноторпед, четко, организованно, дисциплинированно работающий, отлично владеющий боевыми механизмами, не допускающий ни одного скисания, ни одного перебора. В рождении этого нового героя, подлинного героя флота, несмая асаула ленинского комсомола. Но еще больше задан, еще больше ответственность за это дело сегодня. И десятилетия юбилей шефства будет прежде всего праздником борьбы за этого нового героя, борьбы, в итоге которой все красноторпеды, и в первую голову комсомольцы, должны будут стать и станут такими героями.

«Дисциплина и организованность — эти слова должны пронизать всю нашу жизнь на флоте, дисциплина и организованность. Они нам нужны, как воздух!»

Вот, что написано на нашем знамени в дни десятилетия.

Вот, что написано на нашем знамени в дни десятилетия.

Вот, что написано на нашем знамени в дни десятилетия.

Вот, что написано на нашем знамени в дни десятилетия.

Крейсер «Аврора». Тренировка у станка зарядки

ПРОКОПЕРАЦИЯ НА ДИАГРАММЕ ГОДОВ

На громадном стеклянном щите вспыхивают лампочки. Они стремительно взлетают вверх, оставляя за собой широкие шлейфы желтого и зеленого света. Вот они подбирают к основному финишу—1937 году. К этому времени, т. е. к концу второй пятилетки, промышленная кооперация достигнет 20,4 миллиарда продукции, а число работников в ее системе достигнет 4 миллионов человек.

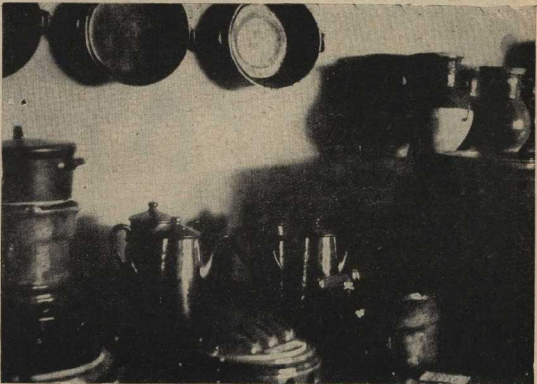
Но не менее стремительны темпы роста промкооперации и в первую пятилетку и в годы ее существования ей. Взгляните в гигантскую электродиаграмму, что стоит в первом зале юбилейной выставки. Бизнес-старт—1922 год (дата организации республиканского центра промкооперации). Этот год насчитывает 84 тысячи организованных кустарей. Сразу резкий скачок линии—1923 год, продукция, вышедшая промкооперацией, оценена в 38 миллионов рублей. Еще круче и ярче взбирается кривая. Посмотрите вверх: нем знаменатель 1932 года? 6 млрд. 200 тыс.—стоимость продукции, 2,347 тыс.—количество артефактов, 64 проц. кооперированных кустарей—вот не менее значительная цифра, с которой приходит промышленная кооперация к своему десятилетнему юбилею.

Небольшой угол занимает зарубежная кооперация. К сожалению этот раздельный щит которого показать, как тем, «у них», монополия крупного капитала в торговле и промышленности неизбежно душит и разорает кооперацию,—слабо развит. Но и здесь есть что поучительно. Сравните например процент кооперирования мелкой промышленности у нас и в капиталистических странах. Здесь лежат проценты в 1930 году в СССР—51 проц. кооперированной мелкой промышленности, в 3 в Германии—4,9, в Италии и Англии—4,7, во Франции... только 2 проц.

Жалкое существование плахи кустария промышленность в царское время и в годы капитализма труда Ленина о развитии капитализма в России, макеты, фото, статистические данные прекрасно вскрывают, какую ничтожную роль играл этот вид промышленности в экономике России. Пятимиллионная масса кустарей и ремесленников и... половина кооперирования. Всекие попытки объединения кустария бедноты встречают преследование правительства. Мотивы? Политический порядок. Вятский губернатор Камышинский запрещает открытие мастерских на том основании, что они «могут о произвезти и продавать в учреждении», в которых принята за принцип социализация орудий производства. Питтиская масса кустарей предана во власть купеческой, служивших придатком к капиталистической фабрике.

... Было домашнее, технически первобытное и неразвитое кустарное производство. И вот на этом месте обилие средствами и совместным трудом артель строит громадный коллективное предприятие с высокой техникой и социалистической организацией труда. Здесь в процессе постоянного обучения, в коллективной переработке изделий, в развитии психологии мелкого товаропроизводителя-кустаря и создаются благоприятные условия для превращения его в того «дивизионного кооператора», о котором говорил Ленин. Посмотрите диаграммы заработной платы кооперированного кустаря. Вы увидите, что средний уровень заработной платы несколько не ниже уровня заработной платы промышленного кустаря свой система социального страхования, которой уже в этом году охвачено 88,2 проц. кооперированных кустарей. Движущ, причиняющая в этом процессе расковой организации труда на плане. В прошлом году за счет каск взаимострахования 140 тысяч кустарей отдала и лечилась в здравницах Крыма и Кавказа.

Огромные суммы культурного тратятся на الكتب. Вспомните, что в царское России было

Советская промартель выпускает универсальную посуду

40 проц. неграмотных кустаров и 67 проц. неграмотных кустаров. Строение бесконечное здание. В окна видны огромные залы, гниущие с потолка трапеции, библиотеки, читальня зал. Там, выходя из будущего зала, видна промышленной кооперации в Ленинграде.

Слово «кустар», «кустарина» стали синонимами. Но они уже скоро исчезнут, потому что кустары перестают быть работниками технической отсталой производств. В системе промкооперации уже 8 вузов и промакадемий, 20 тысяч юношей и девушек обучаются в рабфаках и техникумах, чтобы, прийдя и артель, побеждать техническую отсталость и неграмотность.

... Категория труд царя раньше на туфорозработках Армении. На огуных от перульской тяжести спинах носили ягоди туфля арбе. Долгие часы сгибала арбу на пыльной дороге к заводу. Промкооперация арбу заменила узкоюзелью, подучу камия в нагокетки рационализировала. Хищническая разработка леса в Грузии, привлекшее бедное производство в Белоруссии, ткачество в Средней Азии—все они впитывают в себя новые, передовые методы работы.

... Внимание посетителей постоянно привлекает этот отдел, ищущий несколько эпитетическое название: «Взлетел вперед». Самые замечательные здесь—изящные и строгие аналитические веса, обладающие чувствительностью в стотысячную грамма. Рядом на полке—электродиски, амперметры, вольтметры, электронапильники, аккуратно сложенные ряды светлячиных хирургических инструментов и... странное сооружение, которое при ближайшем рассмотрении оказывается проглазовой пожарной маской.

Трудно даже перечислить названия всех изделий, выпускаемых специальными методобъединениями. Галерея замков и ключей, полки, домики из алюминия и нержавеющей стали, родной домашней посуды. Кружки, ведра, бидоны, оцинкованные корыта. Самовар и... электробачки, электронапильники, электропечи. Вероятно, расползающиеся, зависающие плавающие ножи. Динамические, поперечные, всяких фасонов и размеров ножи и ножницы паловских да еще заостроивших и ходящих кустарей

далеко известны за пределами Союза, они экспортируются.

Мебельный отдел наряд да способен очаровать вас. Правда, здесь очень много добротных на вид, крепких и прочных вещей, но кому нужны эти громадные слоновиные буфеты? Где же мебель для деревни, почему совсем не видно стульев? Когда вы потом попадете в приватный, галантерейный и другие отделы вы узнаете специфику городского ориентировку промкооперации. Только в плане 1932 года, планируются выпуск ширпотреба на 3 миллиарда рублей, учитываются спрос и потребности деревни. Возможности промкооперации в этом отношении совершенно не ограничены потому, что основные источники ее сырья—это утиль и отходы промышленности.

В галантерейно-кожмном отделе вас ждет еще сюрприз. Изящная дамская шляпа, сумка, кошелек, дамская подушка—все они отделаны какой-то странной тоненькой кожей, покрытой тонко пластиком. Представьте, что это химически переработанная искусственная шкура... Выход? Творческая смекалка, изобретательство—все это сейчас можно поставить на службу насыщения дополнительных ресурсов ширпотреба.

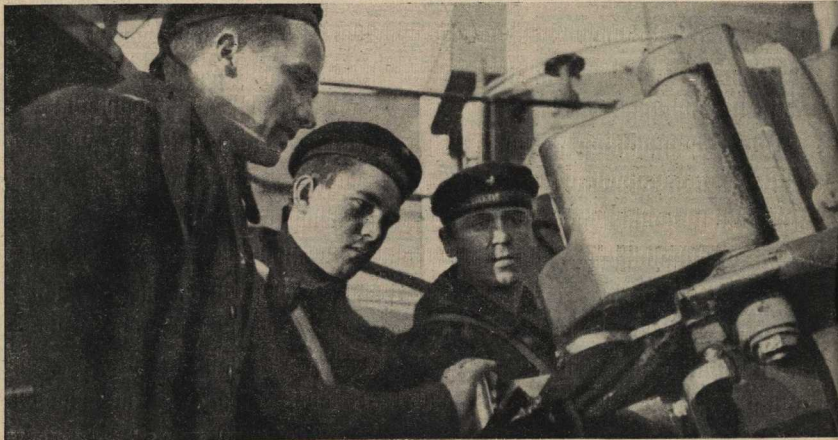
Описать все отделы выставки нет возможности. Ее масштабы довольно точно передают размах производственной деятельности промышленной кооперации. И несмотря на то, что выставка носит специфически юбилейный характер, не мешало бы внести сюда звучные ноты саморкритики. Выставка например не показывает борьбы за качество (все мы знаем, что это большое место промкооперации), не показывает, как вкладывается в артель шест условий Т. Сталина, уровень рационализаторской и изобретательской работы кустарей, р-меры механизации и преодоления отсталой техники и т. д.

В промышленной кооперации работает около полутора миллиона кооперированной молодежи. Только 2,5 проц не имеют выучены в комсомол. Это самым очевидным образом показывает, что комсомол не уделяет еще внимания промкооперации, занимающей такое видное место в экономике нашей страны. Выгода отсюда должна сделать многомиллионная масса комсомолов.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ КОМСОМОЛ ШЕФ

Аврорцы у своих шефов—на ленинградской трикотажной фабрике

„Аврора“ За изучением замка орудия

В нубрике, у механизмов, за орудием, у топки, в школе и кружке, в соревновании с заводом выковывается новый герой флота—дисциплинированный, организованный, четко работающий, политически грамотный, физически крепкий, овладевший техникой, преданный делу пролетарской революции краснофлотец и командир

СТВУЕТ НАД КРАСНЫМ ФЛОТОМ!

Фото А. Сахарина

У выставки, присланной редакцией «Комсомольской правды» на крейсер «Аврора»

В Ленинском уголке крейсера «Аврора». Прибыли свежие журналы

Капиталистические военные флоты — пловучие тюрьмы для моряков, орудия угнетения и порабощения, увековечения капиталистической эксплуатации. Наш военно-морской флот опора мирной политики СССР, вооруженный кулак страны социализма, отряд мировой пролетарской революции, боевая школа военно-политической подготовки молодых рабочих и крестьян

ЯКОВ БУЗИН В ДОМЕ ОТДЫХА

В заново отремонтированном помещении заводского комитета, в маленькой гостевой комнате пахнет краской, мнорой гусиной штукатурки и сыростью, на полу разостланы газеты, на дверях, подоконниках—плакаты: «Осторожно, окраслено».

Председатель завкома Никитин—маленький человек со впадой грудью и большим горбатым малорванным носом на желтом лице—сидит за столом и поглаживает большой плоской и тонкой ладонью толстую папку с бумагами. Говорит глухо и неслышно, скосив глаза в угол, где стоит помпезная проволочная корзина для бумаг:

— Так вот, Яков Бузин, премируем мы тебя за правильное, социалистическое отношение к труду, что на данном этапе является для нас важнейшим.

Яков Бузин, белобрысый, весноватый парень с пухлым носом и узкими глазами, зорысленный густыми, но короткими рыжими ресницами, сосредоточенно смотрит на толстую глянцевито-желтого картона папку и взволнованно сопит носом.

— Ты, Яков Бузин, молодой пролетарий кузнечного цеха, как лучший ударник имеешь полное право пользоваться всеми удовольствиями, которые мы можем доставить из наших премиальных фондов.

Монотонно и засыпающе поглаживая папку, все время машинально поглаживая папку. И казалось, что поглаживание тоней ладони о гладкую поверхность картона оказывало на него усыпляющее действие.

— Да чем премируете? — не выдержал Бузин. Предзавкомка вопросительно поглядел на Якова, пожевал губами и пересоросил:

— Чем премируете?

Потом, засуетившись по карманам, значительно и лукаво улыбаясь, медленно растягивая слова, проговорил:

— А премируем мы тебя, Яков Бузин, путевкой в дом отдыха.

Придя домой, Яков сказал матери, высокой женщине в сером застиранном платке:

— Вы мне, мамаша, соберите с белья что и белье брички выгладите.

— Это зачем еще?

Яков, придавая своему лицу строгое, внушительное выражение, сказал:

— Меня как героя производства в дом отдыха за бесплатно посылают, а вы, мамаша, постарайтесь: мне завтра утром ехать надо.

Мать с шумом выдвинула верхний ящик в тяжелом буре комод, накрытом вязаной скатертью, низко наклонив свое узкое костяное лицо со скорбно сжатыми морщинистым подбородком.

Роняя в белье, шопотом проговорила:

— Может там харчи слабые будут? Я бы тебе, Яшя, сухариков положила б.

— Ты, мать, и очередь всякого паскуда-ласа, ничего не понимаешь, ну и молчи, — всплыл Яков.

Лицо матери покрылось мелкими испуганными морщинками, потом немного спустя мать сказала кратко:

— Эх, Яков, не умеешь ты с матерью разговаривать.

И Якову было стыдно.

Тучные и округлые горы впадились мясцето-земляной тяжестью в откешив маминово горizont.

Сквозь сонный вихур куластого леса виден белый, словно обглоданный лошадиный череп, корпус монастыря.

Кругом—все в осепах. Стрельчатые, темные, ося покачивались под тяжестью неба.

И по: отудай, с горы, проросли зеленым молоком, стеклом, колыбелью пространство, тепловатые октавы колодезного басового гула.

Во время татарских нашествий зенигородский колокол предупреждал Москву о грозных опасностях. И колодезные бум, подрагивая, катились по скользящей поверхности Москва-реки и доходили смуглиней и тревогой до столицы.

В 1918 г. колокол выла огромными зелеными отставками, черноморское монашество готовило здесь восстание, связавшись с кулачеством окрестных деревень.

А теперь...

Колокол величественным, тяжким старинным басом зовлет в половине первого: «Пождайте кушать».

На главномстои Белом, как облупленное крутое яйцо, фанисе таралки сверкала желтовато-аппетитной нежностью домытая мыла. Яков подминал сто на нож и размазав по хлебу, Мыло вышлоло из-под ножа жирным густым сосиски, и на нем выступили прозрачные реснички. Потом Яков взял огурич, разрезал пополам, по-лозилки положил на хлеб и уж тогда стала есь.

— Здесь, раньше монашья едалиня была, вот ужо жралы,—проговорила с лабитым ртом, подмигивая Якову морщинистым веком, сосед—ладская широкоплечий текстилящик.

Яков посмотрел на мрамные столы, столы, на тяжелые стулья и линии и, пододвигая к себе чашку с чаем, ответил:

— Да, жировали, пока их отседа не наладили.—И степенно вдохнув, стал прихлебывать чай мелкими громкими глотками.

Яков, ощущая в себе теплый покой тавашир лица, пригнувшись посмотрел на голубой свод неба, проткнувшийся под жестяной огромной солнца, и, обернувшись к текстилящику, спросил:

— Чтог теперь?

За два тысячи километров едут отдыхать москвичи в доме отдыха Сухоум

— А теперь, парень, отдыхай, усесясь себя на здоровье.

Небо, чистое и яркое, насозвездилось сумрачную воду со всплывшими коричневыми водорослями в глубине. И пахло от воды холодной склизкой травой и еще чем-то зловеще-прохладным и покоем. Люди разбрелись на группы, и каждая группа имела свой стилистический времепрохождение: один разложил на траве доску, дулся в шпатель и шахматы, другие, прикрывшись газетами, читали. Яков ходил один (гекснашичка он где-то потерял), и ему было немножко грустно от одиночества. А присесть к какой-нибудь компании меда застенчивость.

Прочитав на песке черту, ребята срабжея прыгали — кто дальше. Смуглогетая, высокая, парень с руками и грудью, поросшими блестящей белесой шерстью, и тяжелой горчичной змотой тобетке на потном затылке, отмеривал рулеткой длину прыжка и сообщал результат. Яков стал в очередь прыгающих, разбежался, прыгнул.

Ого! — сказал парень в тобетке, сморщивая прыжок. — А ну, валяй на бис. Яков прыгал еще и еще. Парень в тобетке восхищенно мотал головой.

— Вот этот здоров. Все остальны.

— Это что, — улыбаясь, говорил Яков, — без тренировки, а если с тренировкой, совсем другой показатель будет.

Подошел бурый от загара, с выветренными белесыми бровями и ресницами инструктор по физкультуре; на лбу у него вадудась злиловая парашина, запекшаяся блестящей коркой. Капли и чихая, он проговорил, как бы извинясь, ошпиным голосом:

— Перегулялся, ворт, — потом, посмотрев с отвращением на реку, волокнувшись сквозь заросли включенных тальников, добавил:

— Что ж, ребята, подаем поменьшебисим.

Яков, перенакомись со всеми ребятами, мустовала себя бойко и радостно.

— Вот это идея, — подхватил он.

— И торопиться надо, — опять прохрипел выветренный физкультурник, — а то концерт будет.

— А ну его, концерт, на кой он вам!

— Ты что смеешься, парень? — осадил Яков ребят. — Оркестр Большого театра будет.

— Для начала преподаю курс на 500 метров, — отчаянным голосом крикнул физкультурник и нутился бежать, а за ним ребята, насозвездивая ноги, халявая и брызгая, понеслись по болотистой почве, вспененной ржавой, кислой некой сточной воды.

Концерт должен сейчас начаться. За серой брезентовой занавеской открытой сцены слышны стук передвигаемых форпиков, скрежет и скрип настроенных инструментов. Ребята уселись на лавки, торчаче, шумные. Они бурно жестикнулись, провалясь, но говорили подлаженным шепотом. Небо было чистое и прозрачное, и какая-то одинокая птица в выси, захлебнувшись прозрачной глубиной, замерла неподвижно.

Всплеск ветви берез колыхнул пахучий ветер. Яков сидел, развалился на скамейке, упершись о спинку локтями, сделал синхронное равнодушное выражение лица. Яков был убежден, что он не любит «серьезной» музыки — уж очень она скучала. Но когда кто-то пилебод из ребят, с трудом растягивая вальсы, выстукивал какой-нибудь задрипаный вальсишко, Яков томился и неизменно от подлаженного чувства. В такие минуты ему хотелось совершить горючее, необычное.

Серый занавес, ввязка о проволочку желазными кольцами, раздвинулся. Высокий, слегка сутулый скрипач, держа в талии белую палочку, и гитарист, развалившись, повернулся к публике и сказал, что-то, что Яков не расслышал. Потом скрипач замел, поднял голову сизозубой ноющей выдохом, и гитарист, выдохом, скоробно записал в воздухе мелодию. И казалось, что это не звуки стелают с блестящего, тоного изогнутого диска скрипки, а дурманящие, вращающиеся завитки Яков заверя в неудобной позе, и лицо его было расстряпанное, казальное и восхитенное.

Небо колыхало голубыми зрестом. Яков дышал его глубинной порывчатостью. Когда дышал его глубинной порывчатостью, он злепичил кончик брезентовый занавес со злепичил выигном — задернулся. На ветруду шалаш Мина Берман, подруге дома отдала. Сейчас он должен в британский перерыв колесить газету, — сказала сдержанно сегодняшние газеты, сделать политическое.

Читая, когда небо течет горячим густым солоньем, когда газета виснет в руках, дурманящий запах тигрилообразной стелает, очень трудно. Но если человек, хотя бы и дома отдыха, не

Белые стены дома отдыха отражаются в глубине вод

заглядывает сквозь окно газеты на жизнь Советов, — он слеп и глух.

Итак, Мина Берман должна рассказать газету и рассказать так, чтобы главное было главным. Сказано и полно. И нужно уметь сказать так, что у комиссара помини, охраняющего здание выставки, где должно было произойти покушение на президента, были слышны, как лязгачею змучины, штиглеты, что от комиссара нешто пахло фишками и что в розовых старческих нуля комиссара с утра были заложены кусочки ваты. Вата? Ну да, ваты. Ведь при выстрелах в зырклом помещении бывает сильный резонанс: комиссар совсем не хочет жергивать свои слухом. Комиссар? Но почему комиссар? Ведь при «правильно» проведенных известных политических занавесах менюются и важно пагала в первых рядах за гробом убитого президента в жирном золотом штыре асбестовата.

Мина Берман любит читать. Она нежно и злобно вынимает из памяти силовиче чистой формулы деннница. И они, как прыжки по армии мыслей и слов, звучат сурово и ве-

лжитственно.

После обеда — час отдыха, «сертификат» както непоритно звучит. Обезнодил двор, спортплощадка, река. Тихо. Только пахучий ветер торопит томо обиледе ветки деревьев. Ворона долго кружилась в небе, потом, устав, попробовала есть на змоченный крест собора, но крест был обит гребенкой острых гвоздей (для того, чтобы птицы его не члукали) и ворона, еше покружившись, с жалобным карканьем, тяжело разгребан зрыльями, улетела туда, где небо стелало в зеленые разнания ликующего леса.

После часа отдыха Яков Бузин пошел на спортплощадку. На ней сейчас инструктор по физкультуре, тот лышлый, принимал ситуацию пому по комплексу «ТТО».

Сейчас идет сдана норм на бросание гранаты. Но ребята бросают неакваво. Инструктор хмурит белесые брови:

— Работа, братья, еше еще раз без тренировки приходите будете.

— А дай-ка я, попробую, — вопрошал у инструктора гранату высокий стогин с выпуклыми кровинистыми глазами.

КУРС — НА КНИГУ

ВЫСОКОГО КАЧЕСТВА

Фото Б. Ивановича

Что будет издавать „Молодая гвардия“ в 1933 г.

Беседа с зав. Юниетатом Т. А. Троицким

Издательство «Молодая гвардия» вступило сейчас в пору углубленной работы над составлением тематического плана изданий в 1933 г. В беседе с нашим сотрудником т. Троицким (новый зав. Юниетатом) кратко обрисованы контуры этого плана, высказаны мнения, которого должно сыграть решающую роль в повышении идейного и художественного уровня детской и юношеской литературы.

С тех пор 1933 г. занимает сейчас центральное место в работе нашего аппарата. Мы проводим целый цикл совещаний с авторами, педагогами, с крупнейшим представителем советской общественности, чтобы обдумать условия при разносторонней консультации наметить план, свободный по возможности от ошибок. В ближайшее время план जाएगा на рассмотрение нашего издательства будет поступать на утверждение правления. После этого мы выступим со своими проектами в массовых комсомольских аудиториях, на специальных педагогических совещаниях, мы представим возможность всей советской общественности обсуждать нашу работу и вносить необходимые поправки. И наконец ввернем в практику нашей издательской работы «Молодая гвардия» будет следственно обсуждаться на пленуме ЦК ВЛКСМ.

Одновременно с работой над планом мы начали уже работу по созданию тематического комсомольского комитета по совещанию по книге, состав которого утверждён уже ЦК ВЛКСМ и которое состоит примерно в равной мере из представителей присутствующих делегатов издательства РСФСР, Украины, Средней Азии, Закавказья, Белоруссии и других республик. Мы придаём большое значение этому совещанию, потому что здесь можно будет не только обменяться опытом, но и разработать определённые меры по улучшению качества нашей продукции в 1933 г.

Как известно, качество нашей книги в настоящее время в 1932 г. было невысоким. Например детскую литературу. Несмотря на то, что детскую книгу упорно критиковали, все же критика умудрилась пропустить самое основное, на чём указал ЦК — такие несчастья применяются к возрастным особенностям детворы. К книгам, которые наиболее ярко игнорировали особенности детского восприятия, можно причислить например произведения Запорова «Легенда о Томбюи, Шарра» — «Книга авиации», Альберта «Пионеры и полиция». Здесь можно найти и полную бессознательность, грубый схематизм, судорожный язык, непереводимые, вулгаризаторские образования. В противовес этой детской книжке, грубо искажающей директивным парнем по отношению молодого поколения, мы держим сейчас курс на книжку, в которой основное внимание уйдёт на занимательную. Такая книжка должна пропустить крупное социальное содержа-

ние сквозь злую указательную палочку, она должна быть и незаметно, без грубого нравления, без дидактики произнести расстановку положительных сил в уме и сердце впечатлительного детского читателя. В части роста такого показателя к детской книге, мы издадим книгу Смирновой «Чудесное приключение олодо ступа», рассказы Бойма «Браслет курдичанки» и в ряде других произведений.

Мы проводим сейчас тщательный отбор классического сказочного наследия, собираем сказки Андерсена, ирландские, шотландские сказки, будем перерабатывать сказки Пушкина. Намечен целый цикл литературы, знакомой ребёнку с внешним миром (растительный, животный мир и т. д.). Ряд книг будет посвящён школе, учебной дисциплине, качеству знания и т. д. Большой удельный вес займёт фантастика, отправляющаяся, разумеется, от новейших завоеваний науки. Одну из таких фантастических книг пишет для нас К. Чуковский. До сих пор работа среднего и старшего возраста не мысли своей периодики. Для воспитания этого пробела мы в декабре начинаем издавать детский «Альманах», который впоследствии намерены перевести в журнал для среднего и старшего возраста.

Разрабатываем сейчас тематический план намечая целый ряд новых мер и в разделе юношеской литературы. Мы хотим пойти по пути комсомольской книжки, живо и интересно трактуя проблемы комсомольской работы, — книги, стоящей на высоком теоретическом уровне. К сожалению до сих пор «Молодая гвардия» заявила по этому вопросу своему читателю книжку невысокого теоретического уровня, обременённую кроме того в суеую форму неподходящих записок. Намечается ряд книг, касающихся: в первую очередь книжек-молний, живо откликающихся на очередные политические кампании, «Блокнот комсомольского пропагандиста», обширная серия «Молнии» и новеллы и повести. Мы сейчас разрабатываем сейчас вопрос о более усиленном издании литературы справочно-пропагандистского характера для комсомольского актива.

1933 год должен стать знаменательным для нас один серьёзным начинанием, мы предполагаем издавать «Библию о текущей молодого поколения». Издание этой библиотечки рассчитано на 2—3 года и будет выполняться по нашим предположениям, около 60 томов. По своему замыслу такая библиотечка должна организовать чтение молодого рабочего, знакомого со специализацией производственной работы и иностранной классической литературы, с публицистикой (с новейшими достижениями науки, техники, с биографии научных деятелей и т. д.). Мы хотим издать биографическую литературу мы в частности предполагаем издать ряд новых книг: Станкова, пишущего книгу о комсомоле, Иль-

А. Троицкий

ина, Бутковского и др. По нашему предложению Эренбург будет писать большое произведение на жизни зарубежной рабочей молодежи.

Остановимся наконец на нашей рукописной. Нам необходимо спланировать вокруг себя авторские кадры. Дело это усложняется тем, что, как это ни странно, до сих пор детская литература и в материальном и в правовом отношении ни в равной со взрослым писателем. Это перниальное положение должно быть в корне изменено. Большие затруднения вызывают также представляющие нам Отгизом бумажники ресурсы.

Надо вспомнить, что, несмотря на абсолютный рост издания детской и юношеской литературы, её удельный вес (вместе с периодикой) упал в 1931 г. с 10 проц. до 4%. В 1933 г. комсомольно возрастные потребности нашего читателя диктуют необходимость значительного увеличения лимитов. Мы в частности считаем, что удельный вес нашей продукции должен быть втрое до 7—10 проц. общей продукции книг в стране (без периодики).

Этим должен так распределить свои бюджетные ресурсы, чтобы удельный вес детской и юношеской литературы был решительно поднят. Нетерпимое положение, когда при огромном росте удельного веса юношества в производстве и при огромном росте партии при планоле удельный вес литературы для этих возрастных категорий, несмотря на абсолютный рост, не только не повышается, а падает.

В Москве. В окне несущегося вагона размазаны зелёные мелькающие леса. Яков, несмотря на то, что ему было токсично и жалко покидать дом отдыха, блаженно, ментально улыбается. Вот он подносит к лицу свою руку и восторженно и восторженно встывает в планоле удельный вес литературы для этих возрастных категорий, несмотря на абсолютный рост, не только не повышается, а падает.

Вот уже Яков дома. Мать все в том же просторном астраханском номере палаты. Суетливо, извощивая вытарапанную руку о фартук, встречает его у дверей.

— Яков! Яков! Как уж и ждала, ждала, думала, что с тобой случилось что-то.

Материнские сияющие глаза, жалкие своей огромной любовью и нежностью, уменьшились на сына. А Яков стоял в коридоре с комом в руке, большой, неслышавший пахучий палецм солёным и неуклюже протягивая руку, бормоча:

— Вот и тебе, мама, цветочек купил.

Инструктор, вдовольно отчитывая понурых ребят, не глядя, проглатывает гранату. Старшая ест и запихивает в ротик свою прохляпывая и псыльная носом, подержав на весу. Потом, внезапно опрокинувшись назад, стремительно вырывается себе вперед: граната, проверка в воздухе траектория, удар далеко, за линию нормы. Инструктор, растерянно и восторженно поглядывая на старика, спросил:

— Давно тренируешься, товарищ?

— С 1922 года, работая в броне. На фронте их достаточно побросал, научился. А сейчас и ней, как тот парнишка, обходиться, она живо книгу вытравляет, — силой говоря старик, откинувшись назад и ткнув пальцем в грудь.

Ребята с полбодобранным уважением смотрели и молчали.

Яков идет с Ниной Кавказкой по береговой дороге, мрачно сияющей погоней гнилые, рыжие олепы. Текущее сквозь листья без солнца клочок белое платье Нины зелеными тенями. У Нины в руке глаза и тенные брови, она смотрит

С. ДИКОВСКИЙ

Диковский еще весь в процессе роста. Литературная его жизнь только выравнивается, а когда автор растет, неизбежны слабые, статистические, формальные и идеологические изъявы, коррективы, перемены. Нельзя принять произведений писателя-очеркиста как нечто абсолютное, застывшее на данной ступени. Диковский растет, он вырос даже на протяжении своих восьми очерков о дальневосточной границе — «Стой, кто идет» — очерков, пока что являющихся вершиной его литературных достижений.

Диковский вообще еще молод: ему только 25 лет — возраст, когда литературное лицо автора только начинает формироваться. Но он уже газетчик с известной репутацией, выработавший семью годами газетной работы — от черноморской газеты до «Молодого ленинца» и «Комсомольской правды». В промежутке — комсомольская работа (Диковский — комсомолец с 1923 г.), в 1929 г. — особая дальневосточная армия и Манчжурия, медкая текущая газетная работа на темы «вообщем», на любые темы. Установка на военную тематику, сейчас нашедшая свое законченное выражение в очерке «Стой, кто идет» («Комсомольская правда», сентябрь), идет по линии творческих исканий автора. Она не случайна. Она отражает стремление Диковского к большому плану и авторскому замыслу, к тому, что можно так выразиться, переход от бродячей газетной жизни к литературной оседлости. Специфический жанр этой первой стадии оседлости — очерк.

Здесь особенно важно определить формальные границы, формальный критерий очерка. Большинство верностей, ошибок, которые характерны для очеркового творчества газеты, происходит от обычного но с смешением жанров — очерка, рассказа, фельетона. Газетный очерк встречается такой: все, что до 150 строк — фельетон, от 150 до 400 — очерк, больше 500 — рассказ.

Где лежит грань между рассказом и очерком? В рассказе основное действующее лицо — персонаж. В очерке нет персонажа, автор, материал же очерка существует помимо него; автор дает ему только композиционную стройность, раму. В рассказе материал помимо автора существовать не может. Обратное — в очерке. Как раз у Диковского материал очерка существует помимо автора, автор не подчинен собой материалу, и потому очерк — очерк в полном смысле слова, это смешения ни на рассказ ни на фельетон нет. Рассказ, как правило, имеет перед собой творческий заказ автора, в соответствии с которым и развивается материал. У очерка творческий заказ идет по другой линии, иной заказ идет помимо него, саморазмещение материала ему уже дано, он раньше всего показывает, а не рассказывает. И эта сторона сильна у Диковского.

Очерк должен быть отграничен и от фельетона. Фельетон немалым вое газетной публики, вая материала сегодняшнего дня. Он продолжает жить как литературный факт, но его социальное-политическое значение стремится к нулю. Исключением факта, это плавающее, Очерк существует дольше. Очерк существует столько, сколько существует политическая идея, лежащая в основе очерка, политический материал. Отвергая лозунг, отвергает и очерк. Долгие века живет рассказ. Граница его существования — эпоха.

Диковский умеет найти грани очерка, он умеет отделить очерк от рассказа, он не выпячивает автора, он дает материалу существовать себе. Он умеет заставить своим материалом говорить о себе. Он умеет не загромождать материал. У него материал настолько зыбчат, принимает и обобщает, что отдельные элементы в нем играют только роль доклада своего фельетона. Он никогда не загромождает творческий материал. Он умеет отделить. У него это очень хорошо

видно, но автор умеет его хорошо видеть, умеет по-разному заметить и хорошо пользоваться замеченным. У него — хороший глаз. Когда читатель «Стой, кто идет», вспоминает «Приключенца рыбакского патруля» Джекка Лондона: материал подается так значи-

Рис. Б. Пономарева

С. Диковский

тельно, что очерк поднимается до осязаний литературных обобщений, индивидуальные экземпляры становятся типическими. Диковский умеет видеть Лондона, но он умеет увидеть его глазами. Это очень много.

Первое, что необходимо отметить в Диковском, — это то, что у него сюжетная ткань расчленила, раздроблена, идет по линии политического лозунга. Возьмите хотя бы его первый и второй очерки: «Тайга на заперсе» и «Коммунист замаскирован стариком». Автор ставит перед собой конкретный политический лозунг и оформляет его литературным материалом. Слово и рядом бывает так, что политическая идея у очеркиста есть, он ее даже хорошо чувствует, как кинна не делается субъектом очерка, его первоосновой, сущностью. Тематическая основа берет от чего-то другого, второстепенного. Очерк получается неплоткой, скорее уже не очерк, а рассказ, но политическая идея в нем живет сама по себе, только к нему пришиваются, существует помимо очерка, как поставленный редактором абзац. У Диковского хорошо то, что политическую идею невозможно вырвать из очерка, она пронизывает весь материал, и сами предметы, вещи, весь литературный материал, все сюжетная организация несгедимы от основной политической идеи. У него лозунг — тема.

Другое достоинство очерков Диковского — это то, что у него в очерке герои живут, а не только говорят, как это бывает у других очеркистов. Часто герои описаны хорошо, кратко, подробно, но это — живые люди, в абстракции, манекены. У Диковского герои живут, действуют, двигаются. Если действующие лица — герои, нужно расписать его, показать, как они живут, как они ориентируются. Диковский умеет это делать, у него это очень хорошо

выглядит. Возьмите его простого героя — собаку в очерке «Напа Зиндас» (статья, это — собственно лучший очерк в серии). Собака живет, заставляет читателя интересоваться ее жизнью. Где Диковский ориентует, где он дает герою личную волю, где он живет, там у него получаются мертвые люди. Так, у него слабо получаются начальники, которые в большинстве — ходячие лозунги, мумифицированные плакаты. Так в «Играх первой сыды». Впрочем, это дефект наблюдения с собаками — Диковский был в дозоре. Он только слышал, он не видел, как живет сельдь. Сельдь вообще игнорит, но в очерке Диковского она мертва.

Формально у Диковского герои, основные персонажи, даются крупным планом. И оттого люди живут. Второстепенные небавно в очерке, стихия очерка — большой план, материальность, пластические композиции, яркие конкретные

Этому помогает язык Диковского. Диковский не просят записывать, — он думает над языком, у него формы логически обоснованы. Его лексический рисунок четок. Он выбирает из десяти возможных вариантов тот вариант, в котором лучше всего помогает видеть материал.

Образ Диковского ограничен: это не красивая фотография, а хороший, хорошо освещенный слепок. Поэтому язык Диковского скуп, закончен, в нем нет слов, Диковский вая бумажками для многих очерков — сокращение. Часто курьез придают очерку динамичность, Диковского трудно резать, очерк его неслез, единичный он удовлетворяет требованиям предельной экономичности стиля.

В лучших очерках Диковского читатель все время чувствует автором материал, действие не выплывает из глас, не утомляет и не останавливает. Проще сказать: очерки Диковского — хорошие очерки.

Портрет очеркиста был бы очень однобоким, если бы, и не сказал о недостатках. Они есть, их становится меньше, но они еще пока есть. Бедно Диковский, первый и главный, является речевая сторона: речи и диалоги. Диалога у него просто нет. Конечно очерк должен быть прежде всего показом, но диалог также может и должен служить целям показа, без диалога очерк превращается в хронку. Диковский диалогов не любит и не справляется с ними, Наскоро он работает над описательной формой, но диалогическая форма в фразе диалогической. Это относится и к выказыванию самого автора, которые, раз обречены к кому-то, должны обладать всеми чертами живой речи. Диковский почему-то — умеет это речь героя — это одно, а речь автора — другое, что интонационный рисунок не совпадает с лексическим. Поэтому он сам часто говорит высокопарно, так как много и много когда не говорит. Это — особый язык, язык плохой квазитрагической балластности. Язык его героев часто искусствен и обезличен: они все говорят одинаково, без индивидуальности — это его герои, описывает, он конкретен, но как только герой начинает говорить, он превращается в абстракцию, он перестает существовать.

Речевые сыры у Диковского многозначны. Это — дефект красоты, более вероятно — это красота, еще не известная Диковскому. Бедность речевого, диалогического материала является производным следствием этого порока.

Композиционный строй у Диковского страдает отсутствием заимчивости, психологичности. Сюжет идет, но в каждом этапе рассказа у читателя должны возникать новые вопросы разрешение их идет параллельно с выдвиганием новых, но полное разрешение каждой задачи должно идти дано только в финале очерка, когда читательский интерес достигает своего пика.

Чувствуется, что человек работает, работая устал и раз пять начинает напрягаться, но напряжение разряжается, оно не аккумулируется к финалу. Тем и хорит в очерке Зиндас, что у него этот дефект самый.

Предсказать, что-либо Диковскому конечно трудно, но у него все же даны те черты, которые ставят образным очеркистом. Это занесены данные всего от него самого.

БЫТ ПОДПОЛЬЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕНИКИНСКОМ ПОДПОЛЬИ 1919 г. В ХАРЬКОВЕ

Не то Трахтенберг, не то Володарская познакомил нас с Лией Гольдберг. Как и большинство наших встреч, это было вечером в клубе «Бронислава Гроссера». Мы увидели молодую девушку с черными волосами, с блестящими глазами, худощавую, подвижную, с энергичными жестами и веселым голосом. Она служила воспитательницей на какой-то детской площадке, а поэтому, считая себя обеспеченной и даже богатой, предложила нам денег. Поном предложил пойти «хорошую» комнату. И вообще сейчас же дала понять, что ее скромные силы, знания и капитал великим в распоряжении «комитета». Комитет—это были Левитин и я.

Через день—мы уже на новой квартире, на Чайковской улице. В одной комнате Ляба, а другой—Левитин и я. Наша квартирная хозяйка Хася-Александр Рабинович—уже пожелала жениться, и седые волосы обрамляют ее доброе лицо. Она осыпала нас градом вопросов: «кто вы? Чем занимаетесь? Откуда приехали? Где родители?». Она была «смущена» такими странными квартирными. Это была старая бундачка, относящаяся от всякой политической жизни, и при виде нас она быть может вспомнила свое прошлое, своих друзей и такую же молодежь, которой так трудно давался конспирация. Ее добрые глаза недоуменно нас разглядывали. Она нас быстро раскусила. Опыт подсказал ей, что за птицы устроены у ней привалы. И она стала относиться к нам еще лучше. У нас началась нормальная жизнь: мы каждый день завтракали и пили чай.

Мы жили на втором этаже большого дома, стоящего почти у края города. Балкон нашей комнаты выходил на север, впереди расстилаясь огороды, поля и холмы. Левитин выходил на балкон, смотрел в ту сторону, где красивый

север, и мыслительно говорил:

«Если придут наши, мы их первые увидим!»

С другой стороны наш дом упирался в громадное здание из красного кирпича, и у этого дома с равного утра до поздней ночи бушевали человеческие волны. Это—здание при красных анимало ЧК. Теперь белые разглагольствовали населяли. Они рыли там глубокие ямы и искали трупы «замученных». Контразведка на всех главных улицах, в рабочих районах и у этого здания выставила многочисленные витрины снимков расстрелянных красными. Чернотепица произносила злобные речи. Там были острипы настоящего гора и потоки марочного возмущения. Канкули, спущенные в толпе, закатывали глаза и за умеренное вознаграждение рассказывали про ужасы ЧК. И мы часто стояли в беснующихся толпе, витывая в себя истерию—«кто такие большевики и как они ограбили Россию». Мы узнали, что мы—немецкие шпионы и еще в 1917 году обязались перед германским кайзером продать Россию.

Неожиданно к нам приехал брат Ефима Левитина Миша Левитин. Это был крепкий, худощавый, но мускулистый парень, веселый и шумливый, политически неразвитый, но с врожденным умом, практической сметкой и громадной зарплатой пензенности к белым. Позже он в некоторых областях ревкомской работы показывал необычайные способности. Он поселился с нами, быстро ознакомились с нашим положением, взял на себя заботы о нашем хозяйстве и обследовал дом и окрестности.

— Вы еще не знаете, кто живет в доме? Чем же вы занимались месяц? А я вот за два дня узнал, кто в каком этаже живет. Рядом с нами, через площадку—спекулянт мануфактурной и клаустической содой, его в счет не следует брать. Ниже этажом живет генералша. Тут надо остерегаться. В другой квартире четвер-

того этажа много офицеров. Тут надо остерегаться и разузнавать, где они служат. На третьем, слева,—врач Гесин, странной человек, жалелся он что-то знает...

Миша Левитин нам перечислил все жильные нашего дома, соседних домов, включая всех ближайших проходных дворов и, победно нас оглянув в заключение, описавши действительно подпольем предложение:

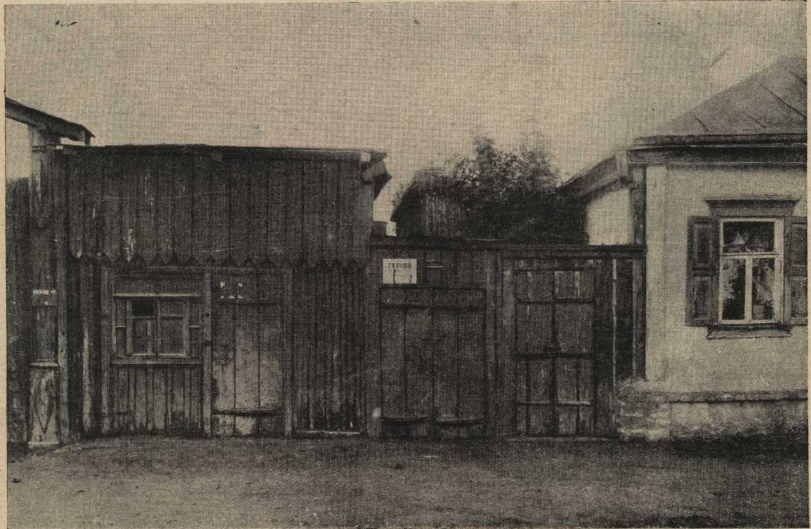
— К вам ходит много народу. Нужен сигнал безопасности. Если контразведка нагрянет и устроит засаду, то все понадуется. А ведь сигнал—это очень просто...

Для внешнего мира мы были: кто торговцем, кто учителем, кто гимназистом, кто служащим. Каждый одевался соответственно своему званию и старался «на людях» вести себя так, как требует этикета его профессиональной среды. Особенно это упало на Мишу Левитину, который сходил за купца. Он очень толково говорил о ценах, железнодорожном фрахте, товарах, векселях.

Я одевался студентом. Мне очень нравились студенческая куртка с чудесными пуговицами и фуражка с синим околышем. Но внешность обманывает. Я знал, что студенты покупали книжки, учителя. Надо было усвоить тот удивительно легкий, плавный язык образованных людей, которому и всегда глубоко завидовал. Как они могут? И чтобы оправдать свой народ и смутную потребность знаний, я начал совать нос в книжки. Мне повезло, попалась хорошие книжки, которые меня увлекали. В особенности ловно встрелся от романа Уэльса «Млечная времена». Это так гармонировало с нашим настроением. Элол, брат загнанные в подземелье, твущиеся наверх, к солнцу.

Так чисто внешнее, случайное переживание быстро направило мое умственное развитие.

Вечером мы всей стайей привалили в клуб «Бронислава Гроссера». Там было уютно, весело, людно, мы заводили знакомства с рабочими и довольно неосторожно и откровенно вели пропаганду большевизма. Администрация клуба на нас косилась. Но мы и ее пренебрежали, вели себя чинно. В клубе были буфет и игральная. В буфете были прекрасные пирожки, в читальне кажин-то образом сохранились больше-

В ветхой лавке по Потнииски ул., № 74, была подпольная явля в период денкинщины

винские бронюры. Мы шли чай и засыпали программой РКП, которую и читал впервые.

Возвращаясь домой, мы сперва отгибали дом, заворачивали на громадный пустырь и задирали головы. У самого балкона пятого этажа—зиг-ки, ровный свет лампы. Милый светобойности.

Не было ни одного вечера, проведенного вне нашей общей берлоги, если не считать случайно командировок в другие города, и если кто-нибудь долго не приходил, это называлось беспомощностью. С нами не было ни матерей, ни семьи, мы давно уже выбрались из спонса живя, и я не помню среди нас разговоров на родственные темы. После внутрительской боточки по голубиному коллективу. Кругом был враждебный мир волков, хищников. Здесь, в этих двух комнатах, была территория советской власти. Кто из подпольщиков не помнит дома на Чайковской? Кто не был участником наших вечеров, ночных и часто давших до рассвета бесед?

Разговоры носили стандартный характер—о фронте.

На стене висела большая географическая карта, усюсюная флажками. На флажках красные клаты для безобразности мы делали надписи клатыми и китайцами. На флажках белах—«Стекло, ордена». Вечером мы передвигали флажки, собиравая с последними сводками. Каждый видел в сводках Доблерию то, что ему хотелось видеть, таким образом все видели одно и то же. Если сводки белах сообщали про их успех, то мы кратко резюмировали: «Врут, сводки. Лют повину!» Когда Ефим Левитин в интересной обстановке пытался усюсюнуть о возможности движения, то с нами общая белизна. Таким образом мы спорили против всяких фактов, мы к фактам относились с презрением. «Белыми звать Курск. Пустое! Верней роду мы привелим беззащитный вид, показывающий, что вернуть Курск нам ничего не стоит. Так, некоторые стратегические соображения...» Мы злородно добавляли:

«Ничего, пусть бегут!»

Но это было вначале, мы сильно нуждались в таком усюсюном самообмане. Позднее ночью мы могли наблюдать другую картину. Беседа замирала. Желе, кто на кровати, кто на диване, на полу, на столе, на составляемых стульях, каждый мурлыка себе под нос в такт своим мыслям, мурлыкаясь переходило и в песню, каждый шел свое, думал все одно. Тут же мы привелим и нашу дилетантскую философию. Мы молча смотрели друг на друга, и глаза говорили: «Правда твоа, только, плохое делаю.»

Кто-то нас позвонили с одним усюсюнованием: нам партия, профессор, кандидат. Он все справился—возможно, из, чтобы пришла советская власть, и, получив утвердительный ответ, каялся в дружбе к вам. Он был среднего роста, толстый, дилетант, но в глазах его так сильно нависало, что мне всегда хотелось подставить ладони, чтобы глаза его не упали на землю. Он необычайно много говорил и все непонятное. Это интеллектуальное существо было одето в новенькую идиотскую пару, на ногах—желтые ботинки, волосы были пригладены чем-то маслянистым и липким.

Вот после рада встреч он мне и Левитимам и говорил:

«У меня знакомый, большевик, очень ответственный, бежал из контрразведки (мы вспоминали двух офицеров, «бегавших из контрразведки»); теперь он придется, хочет перебраться через фронт. Я ему о вас рассказывал (Левитимы подскозили), он хочет с вами встретиться. Надо это сделать скорей.—И вески добавлял.—Я за него ручаюсь.»

После нашей скатернославской истории, когда офицеры нас так издевательски водили за нос, мы, водитория опит, часто говорили друг другу:

«О, больше нас не проведут!» Мы считали себя очень опытными и раз навсегда застрахованными от провокаторов. Мы себя сочили великими сердечниками, от грозных и неспровокационных взоров которых не скрываются нечестные намерения. Случай с двумя офицерами, которым так и не удалось нас поддеть, питал наше сомнение. И сейчас мы осаживали дилетанта:

«Не надо рвения. Не надо нам знакомства. Если ему хочется через фронт, пусть отправляется. Вы больше никому о нас не говорите. Вдурчительство конечно плохо, но...»

Дилетист сердито отглыдал нас и горячился: «У него сохранилось много мандатов, подписанных самим Лениным. Я вам их принесу. Вы должны ему оказать помощь. Он может и здесь остаться на работе.—Мы опять вспоминали двух офицеров.—Разве вас уже так много, что вам не нужна люди? Это не по правилам...»

Участники деннинского подполья собрались в 1929 г. в той комнате, где помещалась Янка (Ботаническая улица)

Вечером на Чайковской мы обсудили его предложение. Дилетист или не нравился, мы его звали «зубочист». Он был трусивый, глуп, неразвит и болтлив. Язык его с необычайной легкостью перескакивал с темы на тему «зубочист» то приближался к нам, то в зависимости от сводок с фронта, отчаянно, приближаясь робко, отчаянно молниеносно и мучил нас и превирал нас распросам и требованими гарантии, может ли принести? Анархист Самуэл был того мнения, что надо встретиться. Если это контрразведчик, мы его выжили. А может, это коммунист? Нам все еще мало, каждому деало найдены, что надо встретиться. И, тщательно протырая сетка громадных окон, точно они были витнойкой, которую он читит перед быем. Самуэл решил:

«Я его проверю.» Через день-два поздним вечером на пустыном берегу той же облюбованной нами Лопанин и встретился с двумя: толстым дилетантом и неизвестным. Он был одет в офицерскую форму. Его лица в темноте и не разгадали. Мы пожали друг другу руки. Неизвестный тепло и чуть сажая говорил:

«Здравствуй, товарищ! Обо мне вы уже все знаете,—он кивнул в сторону дилетанта.— Мне, товарищ, нужно немедленно связаться с речкомом. Я хочу поехать в Томск. Мне нужен хороший паспорт. У вас, товарищ, есть паспорт? Затем вы мне, товарищ, должны дать явки в Томск. Там, товарищ, властвует адмирал, там, товарищ, нужны военные работники.»

Я внимательно, даже напряженно его слушал. Правую руку я опустил и карман брюк и галди рукоятку револьвера и, чтобы подчеркнуть значимость и консервативность нашей беседы, осторожно вглядываясь в темноту, офицер говорил:

«Ничего. Все спокойно!»

Слушая его, я заметил—сперва я думал, что мне показалось, но потом убедился, что это не так,—что перед тем, как произнести слово «товарищ», он на неуловимый миг комкается, зато потом ускоряя звук и произносил это слово разговорной. Говорил он спокойно, стараясь придать голосу оттенок интимности и убедительности.

«Я говорю,—я это хорошо запомнил,—спокойно, и внутреннее волнение сжальмова только в чуть сажая звучащем голосе да пожалуй во

Генерал Денкин со своим сиятельным штабом

писные знания споконными и непрерывными. Я ни разу не сказал, что ревкома нет, что мы его едем (кто это «мы»), а что, если говорил, но по слову разговор я чувствовал, что все, что знает депутат, и он знает), что не хочется ехать так далеко в Томск.— и здесь, несомненно, опытные люди.

— Он немного помогал.
— Но почему? Почему вам, товарищ, жалко нас? Я бы тогда, товарищ и могу быть, там поленею. Но раз вам здесь нужны работники, товарищ...

Я долго раздумывал, и бледный свет спички освещал наши лица. Это был сигнал. Из ночной пыли вынырнул Салунд.

— Разрешите прикурить? Я Саунку как бы зажег спичку, но быстро откинул ее, поблагодарил и, пытаясь папироской, увел. Депутат испуганно спросил:
— Это не шипит?

Неизвестный уверенно ответил:
— Нет, не похоро.

Я взял у неизвестного папку его мандалов для просмотра. Договорился на завтра, в этот же час ждем.

— Обязательно, товарищ!— И простился.— До свидания, товарищ!

Дома мы рассматривали мандаты. Их было много. Они были выдааны как обычно, но уполномоченному по снабжению фронта, все было на месте— и печатать с чернил и молотом и знатные подписи, в том числе и Ленина. Самунд говорил: «То, что подавали, это жалко у нашего товарища, убитого на фронте».

Евм уверил, что это офицер— капитан товарищ! А депутат? Провокатор или обыватель? Анахет Салунд сказал:

— Обыватель!
Евм Левитин добавил:

— И дурак!

Мандаты у нас остались, никто на свидание с известным больше не ходил, на заседание мы перестали посещать клуб «Бронислава Грессера». Депутат начал квартиру не знал фамилий и имен, пропущил тоже не знал. И мы были спокойны. И о депутатские скоро забыли. Старики его из памяти, точно влажной тряпкой протерли по грифельной доске.

В конце сентября мы выдвинулись в путь. Товарища. Опять в клубе «Грессера», опять венеры. Пришла Люба Гольдберг и шепнула:
— Гадки влево, кажется...

За клубами стоеким сидят совсем молодые люди. Они и в их всех сил стараются быть вне равновесия по окружающему, но я ясно вижу, как он беспокойно осматривает каждого. Мы посмотрели друг на друга, немедленно открылись, они себя выдали, опять, посмотрели— и это мальчик с большими, блестящими и грустными глазами, с рыжеватыми волосами на голове и сгорбленной спиной, окончательно смущен.

Издавая во всех областях личной, военной и прочей практики недоложивая кандидатские или женевские периоды. Знакомится— так знакомится, ругается, спорит, любит, дружит, ненавидит, дружит, любит, посещает— и в подполье тех людей, которые к нам принадлежат, мы быстро ставим перед задачей: «Самостоятельности! Или с нами до конца, или отменяем!» И к этому одинокому парню я быстро применил этот благотворный прием.

Истинный имеет свои пути, странно короткие и несобачно вострые. Подлет. Три, пять минут на разговоры свободны. Он мне дал понять, что у него есть что сказать, и я, полагая, что это есть что сказать надо именно мне сейчас же выложить. Я его отгадывал. Парень мне нравится. Открытое молодое лицо, изученные глаза. Он был иппический одет, и часто его худые плечи выдвигались. Он говорил медленно, серьезно и далью.

Его история, как и многих таких, была несложна. Саша Черныков—добрый человек, Красной армия (ему было восемнадцать лет), часть была разбита в Харьку. Он долго боролся по безому тупо. Попал в Харьков. Искал своих, не нашел, отчаялся, зарел в клубе «Грессера».

Подошли товарищи. Мы пошли на улицу. Саша зашагал рядом с нами. Первые дни он шел у нас на Чайковской. Потом его поселили на улице. Он стал первым организатором подпольного комитета в Харькуе. Желая, была бурное молодое дерево, сперва ему согнула спина. Главное испугание для него было вперед.

В квартире на Чайковской не существовало слова смеха. Приказы, отставки, худшие люди, все сразу становились равноправными членами коммуны. В конце концов прочность верхи в одинаковой степени проверяется не только в бою, но и в малом, скорей, даже

в последнем. Можно влетом к плечу исколеть тысячи километров, потом разойтись из-за внешне неумозимых трещин бытия в своем комнате. Как жидо временами шить-шить, временами десять человек в одной комнате. Один хотел спать, в то время как другой хотел декламации. Один хотел поплакать, что впереди когда другая выбылаи марш караваемом на зубах. Наши отношения не всегда были явны, иногда были испяшки по пустякам, но они выявлялись как сокоса, и немедленно гасли. Каждый был самим собой, и среди приезжих из-за кордона и «мужественных» были люди разных склонностей, ума, знания, привлекательности. Но в самой среде подполья— обстановке и характере нашей работы было что-то резко все ливелирующее. Мы уступали друг другу.

Еще когда мы получали деньги у Ольги Марковой, мы сами устанавливали для себя «жалованье» в 2000 рублей в месяц. Это было не много—только комната обходилась в 400 руб. И тогда, когда Зинфрант щедро подбирывал деньги, принятый нами максимум не был увеличен. Эта сдержанность в личных расходах тоже была одним из этических принципов, которым мы не были равнодушны.

Мы ходили по кастильной у самой пропасти. Но в промежутках между двумя предаваниями земным «страстям», ходили в театры, гуляли, устраивали для народных прогулки, пели, сколько раз мы даже «кутили». Кто-нибудь храбро и залихватски говорил:— Купим вина?— остальные чтобы не усумнились в их оптимизм быстро соглашались, но пить никто не умел и после первой половины стакана пьели и лопотал до того смешного.

Это первое время было так относительно безоблачно. Мы выбрали только одного товарища. Из контрабанды были два незначительных невидимых бессмысленных сигнала, и смертельное ласко обвилось вокруг нем жертвы. Контрабандники изгнаны ночью в Черныкову и забрали его. Мы даже не надеялись видеть его в живых и очень жалели своего товарища, которого даже любящая бабушка не могла уберечь.

Была громадная разница в жизни и работе старых подпольщиков, подготовивших Октябрь, и подпольщиков гражданской войны. У первых время было размерено, в их работе была предсказуемость: они знали, когда их должны и скажи в тюрьмы,— их кто-нибудь смучит. В тюрьме часто было, как в клубе, дуэнья, учеба, потом суд, риторический реч, сылая статьи и сылая писем, обета по смыслу и накопленный опыт. Если в застенках парской охранки и случались кровавые драмы, о них быстро забывали, революционная печать обрушивалась на убийц и бездельников.

Тут в гражданской войне большинство подпольных кадров вербовалось из молодежи, которой не у кого было учиться, которая даже не знала кинеск в старом подполье. И в методах пропагандистской работы, в организации техники мы шли в потемках и после мучительных попыток открывать Америку, давно открытую нашими прадедами. Некогда учиться,—все решало димми. Два мира сближались. Надо действовать. Поймают, разобьют тюрьму во время «лопоса» через дель, нездому темной ночью проуты чужим тем и бросит тем в тюрьму. В горьковском бору на Холодной горе, где как мрачное проклятие, высится ограда центрального каторжной тюрьмы.

Мы жили завязанной группой, и обыватели, живущие рядом с нами, не подозревали ни наших дел, ни идей. Но и мы, увеличенные единой целеустремленностью, перестали замечать этот мир. Воздух нас—как бы бесконечная равнина и ничего там нет, кроме наших планов.

Часто мы, чтобы не разминутся, уставлялись ходить по определенным улицам на одной стороне. И постепенно мы привыкли ходить по определенной тропе. Они стали эти улицы и тропы, как бы нашими подпольными. Если пойти вот так, потом свернуть сюда, то из нескладных людей, составляющих нашу территорию, непременно кто-нибудь встретится. У нас, в белом городе, образовался свой район своих людей. Своих идей, цементированных всех единой целью. Пусть вверху будут широты патристических историков, патристического пафоса и фальшивого героизма. Запращивай подготавливается здесь, в этих маленьких подпольных лазах.

Иногда вечером, группой, из клуба «Бронислава Грессера» или в одиночку мы шагали в наш окский Район, где мы жили, был арестованный. Особинный столик плелся. Из раскрытых окон пыривалась бронированная мука. Мы заходили на пустырь и задирали головы вверх. Лапы горела ровно и сильно и была для нас символом неутомимой борьбы до конца.

НОЛХОЗ И ЗАСУХА

Земля,
томься,
лождей лага —
Пойти в атаку
полным фронтом,
Но духота
Колоды атага
Под расклеванным
горизонтом...
Был выверен
в дебатах
Планирование непреклонной.
Печать отступила
о бланк
Тяжелым колом
«Фронтон».
И деревянная соха
Распалась
на дровяную грудю—
За трактором
— трактор грохочал,
Как дальнобойное орудие...
Враг в стороне
настроено
К забору мшистому
приник.
Из-под ягодиц
Пропышено
Ему в глаза
в упор
взгляни!
Он будто прост
и даже сад,
Костяк под
тонким пиджаком он.
Но хищнический
серый свет
глаз
давно знаком нам.
Был ровен всхол
рижаного поля,
Колоды —
Суровых —
Суровых шпик
Но зной
душливой неволей
Дохла, и лучший колос
сник.
Враг ближе!
Он гадк расширил
И разволос
приподнял бровь,—
На горькие
сухие шпир
Сияет
Кафелью зубов.
Но куда зоркие,
на страже
И око каждого зрелка!
И вот
повис,
как меч бумажный,
Последний козырь
кулака.
А там —
за мельницей —
лапотно
Уже возводился,—
страля!
В поля,
белея, как холстина,
Поидет
каналами
вода.
В борье колосья —
шпик, шпик!
Идем в атаку,
и горда
Над званием
Взлетного рика
Пятиконечная звезда.

ДЗЕРЖИНСКИЙ В ТЮРЬМЕ

(Картина Н. Ромадина)

Ликвидация художественских группировок и создание на основе постановления ЦК партии от 23 апреля единого Союза советских художников не снимал ни одного из социально-политических вопросов нашей вчерашней художественной практики, выдвигая теперь как одну из основных задач борьбу за высокое качество, борьбу за подлинное мастерство — для создания большого искусства, достойного нашей эпохи и нашей страны, строящей бесклассовое общество.

Огромное значение приобретают сейчас проблемы цвета, композиции, живописной трактовки картины и т. д. Насколько все эти проблемы глубоко волнуют наших художников, легко судить по последним работам, которые они готовят к 15-й годовщине Октября.

Но их интересует не только голый техницизм, а проблемы более широкие, более углубленные. Тут и проблемы исторического портрета, и нового советского жанра, и портрета волеи, и т. д.

Молодой художник Ромадин принадлежит к новому поколению, к новой школе советских художников. Несмотря на молодость, он успел настолько уже овладеть живописным мастерством, что, глядя на его картину, кажется, что она была написана из коллекции одного из наших музеев и принадлежит к работам старых мастеров репинского направления или школы так называемых «передвижников».

И в этом ее основная особенность. Здесь качество перешло в свою противоположность, в главный недостаток картины.

Для каждого молодого художника чрезвычайно важно при восприятии культурного наследия внимательно относиться ко всем направлениям прошлого, но он отнюдь не должен воспринимать это наследие механически.

Став на путь простого подражания, Ромадин невольно впал в отобразительский бытоизм, к которому так тяготели все «передвижники». И отсюда тот отчетливый обреченности, который лежит на всей картине.

Он слишком заострил внимание на трагизме тюремной обстановки, на устойчивой игре светотени, на удручающей мраке тюремной атмосферы, и поэтому второстепенный момент стал главным и основным, который ему пришлось полностью раскрыть сюжет картины.

Тов. Дзержинский принадлежал к тому поколению большевиков, на которых никакая «каторжная» обстановка царских застенков не могла оказывать никакого влияния. Он вступил вносил свой революционный энтузиазм, свое боевое горение и энергию, четкую идеологию подлинного большевика. Тюрьма была для него случайным жизненным эпизодом. Здесь же, на картине, мы видим Дзержинского только в роли собеседника или докладчика в кругу людей, более или менее внимательных, но слишком удрученных, которых с трудом отличить от обычных заключенных. Это впечатление удрученности еще усугубляется общими колоритом, который избрал художник для своей картины.

Если для всех ее характерной чертой была романтическая жертвенность и красивый жест заменил им всякий идеал и всякую идеологию, то большевики, связавшие свою судьбу с первыми элементами восходящего класса пролетария, всегда отличались большой решительностью и сознанием своего долга перед революцией.

Художник

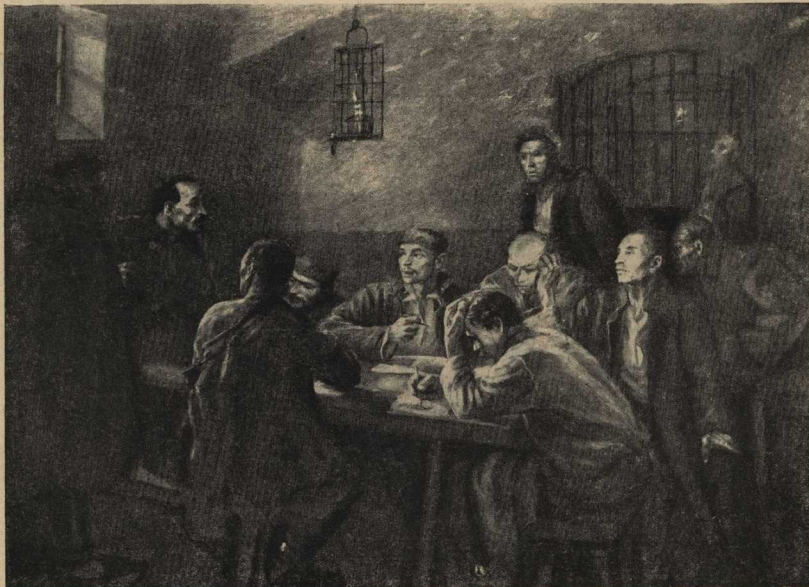
Н. РОМАДИН

лющей в отличие и от эсеров и от меньшевиков с их фатализмом и психологической обреченностью.

Только угта эти отдельные психологические состояния российской интеллигенции, Ромадин мог полностью раскрыть сюжет и дать тот четкий образ вождя-революционера, который в нашем воображении вызывает имя т. Дзержинского.

Не надо однако забывать, что Н. Ромадин еще очень молод и что эта картина является его первым опытом разрешения большой сюжетной композиции. Он несомненно очень талантлив, и чем больше он будет отходить от условностей «музейной» картины и презвитого стая, тем легче ему будет найти свое собственное живописное выражение. Преодолев наследие прошлого и став ближе к жизни, к запросам нашего социалистического строительства и пролетарской революции, он сможет занять весьма почетное место в истории новой советской живописи.

Для этого у т. Ромадина очень много возможностей.

Дзержинский в тюрьме

Картина Н. Ромадина

ВРЕШСКИЙ СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НА ЧЕЛОВКОМ ЭТАПЕ

Творческий смотр молодежной литературы, который провел комсомол зимой и весной этого года, сыграл значительную роль в оживлении всей литературной жизни страны и блестяще творно отразился на работе издательских издательств.

Выступление т. Козарева на пленуме ЦК ВЛКСМ и итоги смотра со славной остротой вылились перед писателями в задачу создания положительного образа в литературе, созданию создания типа молодого героя нашей эпохи.

Историческое решение ЦК ВЛКСМ (6) о перестройке литературной работы от комсомола и от всех организаций рабочего класса еще больше внимания к вопросам художественной литературы, являющейся в руках партии несравненным оружием воспитания миллионов масс строителей беззащитного общества. Москва тем после проведения творческого смотра ряд комсомольских организаций ослабила начатую работу, которые развертывает оргкомитет Союза советских писателей, не находят еще достаточно активной помощи со стороны местных комсомольских организаций.

В июне этого года на одном из занятий литкружка завода «Электрорпровод» при участии писателя Федора Гладкова у литкружковцев возникла мысль: провести конкурс на лучшее художественное произведение — стихотворение, очерк, рассказ. Думали проводить конкурс на страницах своей многотиражки, в рамках одного завода. Непредоленное влияние рапповских методов работы сказывалось в том, что в кружке с самого начала отделились рамки конкурса: писать только о борьбе за экономическую независимость. Этим конечно искажалась роль конкурса как новой формы творческого соревнования ударников.

Инициатива электрорпроводцев была поддержана на заводе им. Лепсе и редакция «Смены». Неправильная, испорченная установка на ограничение тематики с помощью «Смены» и руководители кружка были отброшены. В результате не было в соответствии с указаниями Владимира Ильича дать полный простор творческой инициативе, не связывая участников конкурса никакими тематическими и формальными ограничениями. Идеиная насыщенность и высокое художественное качество произведения — вот единственное требование к конкурсным работам.

Инициатива органическим проявлением смотра молодежной литературы, конкурс должен стать творческим экзаменом, проверкой для всех привязанных в литературе ударников. Он должен способствовать оживлению работы литературных кружков, повышению качества учебно-литературной и быстрейшему их творческому росту.

Идея конкурса быстро облетела литкружки Москвы. Едва ли «Смена» (№ 15) опубликовала условия конкурса и статья т. Гладкова, как в редакцию стали поступать заявления литкружков об их желании участвовать в конкурсе, а некоторые товарищи поспешили даже прислать свои произведения. Откликнулся не только Москва, но и Ленинград и Донбасс.

Оргкомитет Союза советских писателей, расчитывая конкурс «Смена» как продолжение творческого смотра молодежной литературы, поддержал инициативу и организовал вместе с редакцией слет московских литкружков, положив начало общесоюзному конкурсу.

Соревнование писательской работы лучшего ударника мировой литературы — Максима Горького — начало конкурса московских литкружков были отмечены на вечер 11 сентября в Доме советской литературы.

«МЫ БУДЕМ УЧИТЬСЯ ПО ТВОИМ КНИЖКАМ...»

Этот вечер был настоящим праздником для московских литкружковцев. Слова заговорила, забурляла литературная смена. Больше шумит духот человек. Здесь «Электрорпровод», АМО, и завод им. Лепсе, и Электрорпровод. На вечер слета литкружков пришел литературный и комсомольский актив крупнейших пред-

приятий столицы. Слет открывает по поручению оргкомитета Союза советских писателей т. Ю. Березовский. Он отвечает, что программа конкурса совпадает с близкими юбилеем Максима Горького и это накладывает особые обязательства на литударников. Литературная молодежь должна учиться у Горького его высокому, непреходящему мастерству в борьбе за дело рабочего класса, его умению в этой борьбе овладеть всеми высотами человеческой культуры. Смысл и значение конкурса, проводимого комсомолом и оргкомитетом, заключаются в том, чтобы энергичнее двинуть дело перестройки литературных кружков, помочь литературному молодому овладеть новыми высотами культуры.

Писатель должен быть культурным. А культура — это не только сумма общеобразовательных знаний, но и политический кругозор, и уровень мышления, и развитие художественного вкуса, и т. д. Конкурс должен подстегнуть работу литкружков в этом направлении, помочь перестройке, дать простор и главенству всех жанров — стихов, очерков, рассказов, фелетонов, пьес, рецензий и т. д.

Привлечение квалифицированных писателей-критиков к консультационной работе во время конкурса поможет успешному решению этой задачи.

Тов. Березовский предоставляет слово литкружковцу завода «Электрорпровод». От имени собравшихся т. Живовичевский предлагает послать Максиму Горькому приветственное письмо с просьбой принять участие в жюри конкурса.

«Мы учиться и будем учиться по твоим книгам, разрабатывать старый мир насани и лжи и бороться за безклассовое общество коммунизма», — читает г. Живовичевский. «Всю жизнь ты, Алексей Максимович, борешься за рост новых писателей из гущи рабочего класса, и помгал и вывел на дорогу сотни из них. Мы знаем, что лучшим подарком для тебя были бы хорошие книги наших ребят, хорошие повести, очерки, рассказы. Творческое соревнование, которое мы развернем в ходе конкурса, заставит нас приложить все усилия, чтобы не ударить лицом в грязь и чтобы дать максимум идейного и художественного качества в своих вещах.»

Дружными аплодисментами слет приветствует текст письма к Алексею Максимовичу.

ОТБРОСИТЬ ЕРМИЛОВСКОЮ И ЛИТФРОНТОВСКОЮ РЕЦЕНТУРУ

Доклад о задачах конкурса делает ответственный редактор журнала «Смена» т. В. Замин. Отметим принципиальное значение конкурса как продолжение знающего комсомолом творческого смотра молодежной литературы, докладчик останавливается на коренном вопросе литературного движения — вопросе о показе героя нашей эпохи.

«Мы должны всеми средствами большевистской критики», — говорит т. Замин, — убедиться от такой опасности, как подмена показом героя нашей эпохи — ударника — показом раздвоенной личности, образом индивидуума, воюющего с мелочными, образом индивидуума, у которого беспрестанно и мучительно борются в сознании капиталистические и социалистические черты психологии. Товарищем известны и примеры в нашей литературе и та критика на бывшего руководителя РАПП, которая хотела оправдать показ такого героя как показ положительного героя нашей эпохи.

Наш герой совершенно отячен от того образа, который проповедался Ериловым, дан в романах Либединского и т. д. А с другой стороны нам совершенно чужды и те схематические, безлические фигуры, созданные вместо плоти и крови из анкет и биографии, этикес «Серен-пролетариан» на известной вульгарной лезии, которые в свое время по существу пропагандировались некоторыми лидерами Литфронта.

Наш герой не похож ни на того, ни на другого. Наш герой — полон жизни, он дышит полной жизнью, он преодолевает все трудности на пути социализма, он возмущен отними всевозможнейшим проблем и т. д. Это должен показывать художник. Он должен показывать некое, социалистическое в нашем герое, показывая, как рождаются новые черты и как преодолеваются старые. И в выполнении этой задачи не должны стоять никакие искусственно созданные тематические, формальные рагати перед писателем.

«Фото „Союзфото“»

Участники слета московских литкружков

Тов. Вельмин переходит к вопросам качества учебно-литературной работы и в настоящее время во многих кружках поставлена так, что она не обеспечивает в достаточной мере творческого роста молодых писателей. До сих пор еще встречается с отголосками глубокого традиционного, глубоко вредного аполитизма б. РАПП. «Дарин» — центральная фигура пролетарской литературы. Эти настроения вызывают поверхностное отношение к учебе, пренебрежение к овладению культурой, и вынуждают дать самый резкий отпор.

— Мне кажется, что заслуживает чрезвычайного одобрения курс организационного комитета Союза советских писателей на консультативно в системе учебно-ударника. Мне скажут, что это — вопрос не новый, что консультация у нас в организации давно практикуется, и т. д. Тем не менее этот курс, действительно серьезный, глубокий курс на консультативный метод учебно-ударника, который сейчас взяла оргкомитет, заслуживает всеобщего одобрения. К величайшему нашему огорчению, литературные институты, тот же самый ЛИИ Комкадемии, принимают весьма слабо, незначительное участие в организации консультации для начинающих писателей.

Консультация в разрабатывании нашего курса должна занять центральное место. Она поможет нашим ударникам, призываемым в литературу, овладеть литературной техникой, повысить культурный и политический уровень.

— Я полагаю, — говорит в заключение т. Вельмин, — что наш конкурс, начатый по инициативе «Электротревода» и завода им. Лепсе, поддерживаемый организационным комитетом Союза писателей, «Сменой», оживит работу литературных кружков, повысит качество учебы и будет содействовать творческому росту молодых писателей.

ТВОРЧЕСКАЯ ПУТЕВКА

Тов. Федор Гладков дал творческую путевку участникам конкурса:

— Мало, товарищи, знать свою задачу. Мало было только о том, что творчество — творчество — страдания перед глазами. Писатель должен знать эпоху и стоять на высоте мировоззрения своего класса. Только тогда имеет значение вариация бытовых явлений, когда эти зарисовки с неспешностью и с неспешностью — построением социализма — нашей мечтой. Вобрать в себя все наше будущее, которое уже осуществляется, почувствовать эту мечту и записать ее — это уже искусство. Потому что писатель есть. Писатель становится только тот, кто почувствует искусство как постоянно обновляющийся, постоянно волнующий писательский образ. Если же это для тебя обязанность, то лучше не писать.

Тов. Гладков рассказывает, какие потрясающие впечатления произвели на него первые произведения Максима Горького. Почему это произошло? Почему были забыты такие писатели, как Крестовский, Долин, которые тоже писали о голяубе, а Горький вошел в мировую литературу?

— Почему? — отвечает т. Гладков, — что у Горького при наличии огромного громадного таланта было и другое — было насыщенные художественной тканью произведения этой самой мечтой.

Но в свой мой так писать именно потому, что уже в то время он был в рядах организующегося, борющегося за свою мечту рабочего класса. Вот почему надо попытаться выявить силу коллектива, силу той среды, с которой писатель сбросит, почувствовать ее основной нерв. И это уже искусство при наличии дарования и создает нашего писателя социалистической эпохи.

Нам нужно поучиться у Горького вот чему: человек начал с маленькой вещи — с газеты. Газета в наших условиях — это наше будущее. Нам нужно особенно хорошо научиться работать в газете, не гнушаться стенновками, митогирямиками. Только тогда будут из нас хорошие писатели, если и ваша заводская газета будет хороша.

Что для этого нужно? Очень мало. Но очень трудно это малое ухватить — уметь писать так, чтобы немногими словами выразить много, чтобы немногими фразами выразить целую жизнь. А в немногим надо целым мир! И вот тут на сцену выходит такой секрет: надо уметь грамотно писать с одной стороны. И, с другой стороны, надо уметь писать художественную литературу всех эпох, но только нашу русскую литературу, но и мировую.

Президиум съезда. Справа — Федор Гладков

Алексей Максимович учился в начальной школе — не кончил. Но вы поглядите — Горький является одним из культурнейших людей мира. Человек охватил несравненно большее количество знаний. И сейчас он работает также очень много.

Вам, товарищи, нужно знать и фольклор и все достижения литературы последних лет. Школы нужно знать. Это глупость, когда вы и говорите, вы должны писать так, чтобы такой-то метод использовать. Я считаю, товарищи, глупостью, что все должно какой-то один метод усвоить. Была ошибка у индустристу, когда он однажды провозгласил метод Толстого методом пролетарской литературы. Это — злитанническая чушь. Главной была для своей эпохи может быть инноватором, для своей эпохи представлял творческую величину. Мы можем изучать Толстого, пользоваться всякого рода его, Толстого, достижениями. Но сказать, что мы должны писать так, как Толстой, был инноватором Толстого, — это неверно. Ведь после Толстого должно существовать. Литература не стояла на месте. Диктатура нашего развития требует изучения и той литературы, которая была после Толстого. Маяковский произвел революцию в области формы стиха. Мы должны это знать. Символисты проделали огромную работу в области символической и беллетристики. От Горького история нашей литературы прошла еще несколько ступеней. Мы пришли к удальной речи, лозунгу, ударному плакату, к орскому слову, краской. Всем этим надо овладеть.

Конкурс — это экзамен, известный рубеж, это столб верстовой, и вот между этими верстовыми столбами надо уметь систематически, каждый день работать над собой, учиться и главным образом овладевать способностью писать.

СТАРТ ВЗЯТ

После выступления тт. Вельмина и Гладкова один за другим брали слово представители литературных кружков.

Делегаты «Электротревода» — гг. Резник, Мерис (руководители литкружка), Николаев (партик) и Пезанер (комитет ВЛКСМ) — рассказали о большой подготовительной работе к конкурсу. Отрядные звания было присвоено на сессии представителей партийного и комсомольского комитета завода.

Деять литкружков «Электротревода» следят творческие заявки, они уже работают над

художественными произведениями в порядке соренования. Тов. Васильев пишет поему «Уральские», т. Резник готовит большую производственную повесть, т. Заикина разрабатывает цикл бытовых новелл, и т. д. Трудность в том, что все эти работы очень затруднены. Заявки является секретарем кружка, членом комитета ВЛКСМ, редактором молодежной и литературной странички. К тому же она живет за городом, и ей приходится писать в трамвае, в поезде. Комитет комсомола должен обеспечить творческому заводу условия, состоящие на 80 проц. из молодежи, нормальные условия для работы.

От завода им. Лепсе выступил т. Берсон. Здесь тоже была проведена подготовительная работа комурсу, выпущена специальная литература. На литкружок завода уже давно не собирается. Товарищи, которые готовят конкурсные работы, никто по-настоящему не работает. Тов. Титов на индустриальном чехе, т. Гергов и ряд других нуждаются в углубленной консультации.

— Соренование нашего завода с «Электротреводом», заявил т. Берсон, — является показателем, какой расцвет наша литературная молодежь. Это соренование и надо немедленно превратить в общезаводское соренование литкружков. Таким путем мы действительно сумеем выяснить, какой завод, какой кружок работает лучше, дает больше продукции. Важно не забыть при этом об оказании настоящей творческой помощи начинающим товарищам.

Эта же мысль — сделать конкурс общезаводским, а потом и общесоюзным — была проведена в выступлениях т. Жилкина (Арматурный завод), Сидорова («Динамо»), Нилкина («Дукат») и других товарищей.

Тов. Гольдберг («Смена») огласил условия конкурса, разработанные оргкомитетом совместно с редакцией. Срок предоставления конкурсных работ — 1 января 1933 г., первая программа — 15-я годовщина Октября. В конкурс могут вступать все литкружки и отдельные индустриальные товарищи. Вопрос о составе жюри конкурса и денежных премиях будет еще уточнен.

Слет единодушно одобрил инициативу оргкомитета и «Смены». Старт конкурса дан. Дело за литкружками и комсомольскими ячейками на преддверии. Как и во время творческого съезда молодежи заводская литература должна привычь к проведению конкурса широкую рабочую общественность. Литкружки должны будут провести ряд творческих вечеров, на которых конкурсные работы будут получать первую оценку и товарищескую критику.

Слет закончился выступлением творческих бригад завода.

ОНИ СТАНУТ НА СТРАЖУ ВТОРОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Союзфото (Фото Н. Кутава)

Призывники 1950 г. маршируют в Лотоваггаэах

Отв. редактор В. Вельмин. Зав. ред. Я. Черняк.

Слани и набор 25 IX, полигам к печати 24 IX—32 г., 1 1/2 бум. листа

Уполномоченный Главлита № В—85105

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“, сектор „Комсомольская правда“.

Изд. № 924

166.948 г. з. в бум. л.

Типография газеты „Правда“, Москва, улица им. Горького, 48.

Зак. 2204 Тираж 43.250